

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА / ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА СЕРГЕИ КРЕЧЕТОВ



Rossica

Сергей Кречетов
ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА

Москва
Libra Press
2017

КАК ПРЕДИСЛОВИЕ

Рукой Всевышнего хранима,
Навстречу грянувшей грозе
Идешь ты, Русь, неколебима
По мировой твоей стезе.
Сергей Кречетов

Я не стратег и всего менее историк. Я только поэт, и гляжу на то, что совершается, глазами художника, человека от искусства. Великая война найдет себе много историков, которые сумеют зафиксировать и воссоздать её подробно в ее фактических очертаниях.

Мои писания глубоко субъективны. Изображаю то, что говорит моему глазу. Пропускаю быть может многое важное. Примечаю, наверно, многое несущественное только потому, что оно красочно. Но если на этих страницах, которые я набрасывал беспорядочно и торопливо, в случайных ночлегах, на

недолгих стоянках под грохот канонады, от которой жалобно звенели окна, читатель на мгновение ощутит странное и трудно определяемое чувство войны, вдохнет ее неуловимый воздух, то мне не нужно ничего другого, ибо я поэт.

Если же тот, кто прочтет мои страницы, заметит и еще одно: ясную веру в наш могучий народ, в нашу, грядущую полную победу и в светлое будущее славянства, пусть не объясняет это моей патриотической настроенностью. Нимало! В этом я только похож на всех. Так верит вся армия, так верю и я, потому что я русский.

I.

Вот и Тильзит¹ позади с его внушительными памятниками, с его модными кафе и магазинами, с его кокетливыми виллами, с его подвижной, но молчаливой уличной толпой.

Снова гладкое укатанное шоссе, окаймленное старыми деревьями, снова уходящая в даль бесконечная вереница орудий, коней и зарядных ящиков, снова перебрасывающаяся по колоний команда «ездовые слезай» и короткие 15-минутные привалы, где еле успеешь, растянувшись на зелёном откосе шоссе, выкурить папиросу и погрызть вынутого из кобуры шоколаду, так славно пахнущего кожей.

Перед закатом мы прибыли в С., живописное немецкое местечко, утопающее в садах. Обычная встреча. Все жители у домов. Низкие подобострастные поклоны и любезно предлагаемые проходящим войскам корзины с яблоками и грушами.

Что говорило в этих людях с их угощениями и приветствиями? Только ли страх за себя и надежда смягчить сердца «свирепых северных варваров»? Или, быть может, злорадная уверенность в будущей расплате еще ниже гнула их спины? Кто разгадает!

Отряд миновал местечко и расположился биваком в поле, где вдоль дороги тянулось несколько отдельных домов и стояла неподалеку от последнего высокая ветряная мельница. Наша батарея стала у мельницы. Мы, офицеры, расположились в ста шагах, в маленьком средней руки домике с сараем и надворными стройками.

1. Город на реке Неман (Восточная Пруссия), известен тем, что в Тильзите был заключен мирный договор между российским Императором Александром I и Наполеоном. 25 августа - 12 сентября - русские войска армии Ренненкампа вошли в Тильзит. Коммендант города - старший лейтенант Богданов. 12-14 сентябре - в Шплиттере горят лесопильни.



У мельницы разбили палатку. Чай пить решили в домике, ночевать в палатке.

Быстро вскипятили чайник, хлопотливые вестовые уже извлекли наши разнообразные припасы. Мы сели за стол. Вдруг тревожные возгласы снаружи и сквозь них отчетливо вливающееся через открытое окно какое-то странное, низкое гудевшее.

Аэроплан! Мы вскочили и бросились вон из дома. Помню, когда я выскочил на крыльцо, со всех сторон уже трещала ружейная перестрелка. Пули свистели во всех направлениях, звонко чмокая в стены сараев и высокие кровли домов. С деревьев у дороги сыпалась листва. Сзади резко и ритмически, точно проворные металлические свалки, стрекотали пулеметы.

- Вот оно... Должно быть, еще и засада!.. - промелькнуло у меня в голове. И первое движете, - скорее к батарее, к своим.

Я быстро пробежал через двор и на миг остановился у ворот, чтобы разобраться, откуда идет опасность. Внезапно сильнейший удар сзади в бедро, и я качусь по земле, несколько раз перевернувшись от силы удара.

«Кончено... ранен», - звенит в мозгу. Сбоку проносится тяжелая артиллерийская повозка, влекомая парой взбесившихся лошадей. Вот в чем дело!

Встаю, ощупываю бедро. Ничего, ходить можно, это только ушиб. Спешу, прихрамывая, налево, к мельнице, где стоит батарея. Пули жужжат, как осы.

Рядом перебегают отдельные пехотинцы и стреляют с колена куда-то вверх.

Подымаю голову, - вверху, на темнеющем небе гудя, проносится огромная зловещая черная птица с загнутыми крыльями. Два-три круга, и она удаляется постепенно скрываясь из глаз.

Стрельба стихает... Громкие окрики офицеров быстро прекращают последние, одиночные, уже ненужные выстрелы. Рядом с мельницей группа солдат, столпившись, окружает неподвижное тело. Это один наш молодой артиллерист, застигнутый во время перестрелки шальной случайной пулей. Бедняга, кажется, уже не дышит, и смертные тени легли на его безбородое, чем-то удивленное, с черными усиками лицо. Его увозят в лазаретной линейке.

Мне нужно зайти по делу к командиру бригады. Тороплюсь сделать это, пока еще не темно.

Белый дом на окраине города. Возле сад с цветущими клумбами, газоном, беседками и отягченными плодами деревьями. Фасад и ажурный балкон увиты виноградом, и спелые его гроздья выглядывают из-за пышной листвы.

Посылаю доложить о себе. Командир бригады, полковник К., изысканно светский петроградец (чуть не сказал «петербуржец»), любезно приглашает остаться пить чай.

Мне начинает казаться - нет ни войны, ни аэропланов, ни пулемётов. Изящная гостиная с легкой светлой мебелью. Столовая из серого клена. Хорошее пианино. Две-три качалки с небрежно брошенными подушками с вышитыми венками из роз. Небольшой тонкой работы книжный шкаф с отлично подобранными томиками мировой литературы. На нем бюсты Гёте и Шиллера. Чисто одетая горничная в белом переднике и гофреной тюлевой наколке. Ни в чем нет грузной немецкой претензии, - на всей обстановке печать хорошего вкуса и какой-то радостной легкости.

Спрашиваю, кто хозяйева. Полковник рассказывает любопытную историю. Дом принадлежит двум

молодым состоятельным барышням. При известии о вступлении наших войск в Восточную Пруссию, уезжая в Берлин, они оставили все, как было, в полном порядке, ничего не увозя, и дали прислуге такое распоряжение: «Кто бы ни пришел: будь он друг или враг, всякого принимать радушно, как брата. Все в доме к его услугам. Особенно заботиться о раненых, своих или чужих одинаково, ухаживать за ними и класть их на наши постели». Они много раз повторяли это прислуге и та запомнила эти слова буквально.

О, милые мечтательницы о всеобщем братстве! Я запомню ваши газельи глаза, ваши лебединый шеи, ваши руки с длинными пальцами, что я видел на больном портрете в гостиной. Через какую земную пыль влачите вы теперь ваши легкие одежды! И воцарится ли когда-нибудь на земле ваша мечта! Теперь кровавое зарево окутало полмира, война, гневная богиня, сдвинув брови, тяжелой своей стопой идёт по полям, и ваш тихий голос, ваш кроткий призыв одиноко потонул среди грохота орудий и иступленных криков.

Покидаю милое жилище.

Ночь в палатке. Сверху укрылся пледом, но холод коварно подбирается снизу, сквозь тонкий, туго натянутый брезент походной кровати. Денщик забыл подложить снизу купленный в Тильзите не дешево за чистые русские денежки отличный войлочный фильц². Ёжусь, но встать и позвать его лень.

Утром выступаем в 7 часов. Короткая молитва над могилой убитого вчера артиллериста. Выезжая на шоссе, долго провожаю глазами свежий бугор земли с маленьким, наскоро сделанным белым крестом.

Мы снова в пути.

Ясным, теплым вечером наша бригада стала би-

2. Подкладочный материал.

ваком при большом селении Г., вдоль великолепно-го обсаженного вековыми тополями и буками шоссе, из Тильзита в Кёнигсберг. Батареи расположились тут же на лугах и возделанных полях, где в изобилии растет репа и еще какой-то другой очень сладкий и крупный овощ, ничто среднее между брюквой и репой. Один ездовой моего взвода, Пряхин, большой любитель сельского хозяйства, собиравшийся на родине, где-то в Вятской губернии держать экзамен на помощника агронома, волнуясь и размахивая руками, тщетно доказывал что «по науке» это овощ кормовой и предназначен только для рогатого скота.

Солдатики одобрительно покачивали головами.

«Наука, оно точно... наука первое дело»... Но овощ ели и в похлебке варили, и похваляли очень.

Везде весело запылала костры. На них какие-то котелки и чугунки, выросшее как из-под земли немудрое солдатское хозяйство.

Мяса было довольно и вряд ли наши солдаты часто едали у себя дома такие наваристые супы, какие доставались им в Пруссии. Не хватало лишь двух вещей: хлеба и соли. И было негде достать, так как их почти не было у населены. Хлеб не заменишь ничем, но насчет соли ухитрялись.

Сыпали какое-то красное минеральное вещество, употребляемое немцами для удобрения огородов. Ничего, - сходило.

Офицеры нашей батареи расположились в маленькой, покинутой жителями, крестьянской усадьбе.

Среди других дом из самых неважных, и всё-таки там четыре комнаты, постели с занавесками и полочки с дешёвым фарфором. На стенах портреты. Вот почтенный лысый отец семейства в неуклюжем сюртуке и с ним рядом круглолицая фрау

в накрахмаленном чепце и со связкой ключей у пояса, знаком ее хозяйской власти. Вот их сын, молодой прусский пехотинец. Снят он явно при помощи трафарета, где в готовую фигуру вставляется одно лицо. Он почему-то верхом. Одной рукой, подбоченившись, держит узду, другою указывает вперед, где бегут устрешенные неприятели, конечно, с весьма окладистыми бородами. Конь попирает ногами пушку. Лицо у солдата круглое, безбровое, с ямочками на щеках.

Фигура в профиль, лицо en face³, - картина, могу сказать, величественная.

И рядом еще фотография: он же с невестой, милостивой, с большими косами, такой же круглолицей и тоже с ямочками. Стоят, держась за руки. Внизу на паспорту⁴, два голубка и надпись: «Фриц Шольп и Грета Майер. Обручены 1 июля 1914 г.».

Где ты теперь, - почтенная фрау в чепце и с ключами, и ты голубоглазая Грета? Знаете, ли вы, что русский «варвар» беспечно разлегся на вашей постели и ваши фарфоровые тарелочки дрожать от испуга на своих полочках, когда мимо в своих грузных сапогах проходить мой денщик.

На другой день, часов в шесть вечера, мы получили приказ выступить и к ночи занять позиции на правом берегу реки, впадающей в Балтийское море, верстах⁵ в двенадцати к северу. По ту сторону реки город и вдоль течения ряд укрепленных неприятельских позиций, защищающих подступы к Кёнигсбергу.

К позициям вело прямое шоссе, но так как в значительной части оно пролегало по возвышенности в районе неприятельского обстрела, наш отряд ре-

3. То есть лицом к объективу; «расположить анфас» - лицом к зрителю.

4. Специальная картонная рамка или подклейка под фотографический снимок, гравюру.

5. Русская мера длины, равная 1,06 км.

шили провести лесом, чтобы уже затемно, скрыто от немцев, разместить на позициях.

Мне хорошо запомнился этот вечер.

Сперва шоссе, потом резкий поворот влево, у маленького кладбища с зелеными деревянными скамейками, кустами акаций, плющом на памятниках и белыми каменными крестами. Дальше небольшие фермы, еще неубранным нивы, лесная опушка с какими-то павильонами, беседками и столиками для народных гуляний. Наверно, сюда любила приходить окрестная молодёжь и степенные бюргеры из города, чтобы мирно выпить за этими белыми столиками свое неминуемое пиво.

Потом старый береженный, подчищенный, с прямыми, как стрела, просеками сосновый лес. Верста по широкому шоссе, и отряд свернул на грунтовую лесную дорогу.

Солнце было на закате. Лес тихо рдел, - и сквозь сливающуюся чащу стволов струились расплавленные рубины и червонное золото. Хотелось молчать. Было тихо и торжественно в лесном храме, и в величавом его спокойствии золотой фимиам проливался благостно, не ведая людских распрей, равно для правых и виноватых.

Кончился лес. За ним темнеющие поля, местами низменности, где колеса орудий глубоко врезаются в мягкую почву. Порою небольшие селения. Темные окна, не видно никого. На бедном дворе воеет позабытый пес, на цепи у своей конуры. Нисколько дней спустя я вновь проезжал мимо и видел его издыхающим с голоду. Я кинул ему кусок хлеба, но он был уже не в силах его съесть.

Местность становится выше. Солнце зашло, и черные тучи зловеще клубятся на кроваво-красной, на широкой закатной полосе.

Какие странные очертания! Черные всадники в черных плащах... Черные женщины с развевающимися волосами... Какие-то крылатые черные драконы... Не призраки ли это враждебных божеств германского эпоса тянутся вдаль, покидая занятую нами землю, и уходя, угрожают?

Но не удержать вам, негодующие тени, этих неспешно катящихся орудий!

Закат погас. Ветер, луна, быстро летящие облака.

Засеребрился пруд. Мы вновь вышли на шоссе и вступили в деревню К.

Резервы остались здесь. Впереди деревни, верстах в полутора-двух расположатся наши позиции.

Устроив резервы на ночлег, поздней ночью еду с конным вестовым установить ближайший подъезд к позициям. Едем сперва по шоссе, потом сворачиваем по отчетливому следу от прошедших раньше орудий. Еще с версту - и мы на позициях.

Темные правильные полукруги окопов. Слабо поблёскивает под луной сталь глубоко ушедших в свои земляные гнёзда орудий. Около них, под навесами из ветвей и соломы, рвы для людей, зияющие своей чернотой. Кажется, какой-то насмешливый могильщик нарыл впрок свежих могил и они, оскалив пасти, ждут своих неизвестных гостей.

- Кто идет?

- Свои...

Спрашиваю, где офицеры. Один дежурит на батарее. Прочие неподалеку, ушли ужинать. Иду познакомиться с ними. На холме стройный высокий дом, белый в лунных потоках, сквозит через раскидистые деревья. Тёмные окна, - дом кажется мертвым, необитаемым. Под деревьями, с обратной неприятелю стороны, вижу несколько лошадей и группу вестовых.

Меня проводят внутрь. Миную тёмные сени. Распахиваю дверь. Полуосвещенная огромная зала. Это школа. Оплывающая свечка, прилепленная к учительской кафедре слабо озаряет отодвинутые в сторону парты и у стены пару больших черных досок с какими-то неоконченными арифметическими задачами.

В глубине, через приоткрытую дверь, падает свет. Вхожу.

Большая, залитая ярким светом столовая немецкого педагога. Окна наскоро заколочены коврами. Длинный стол, кипящий российский самовар, дым русских папирос и знакомые весёлые лица. Никогда еще стакан горячего чаю с коньяком не казался мне таким вкусным, как в эту ночь, в двух верстах от неприятеля, в недрах этого странного, живущего тайною ночную жизнью дома.

Через 20 минут снова еду со своим конным вестовым через белые лунные поля, теперь уже иначе, намечая новый кратчайший путь.

- Ваше благородие! А ваше благородие! Вы бы больше к березкам, в тень, а то видно очень... неравно подстрелят.

- То-то... к березкам. Ничего, милый, Бог не выдаст.

Мой конный вестовой, случайно найденный мною земляк из окрестностей моего имения, - существо толстое, с красноватым носом, круглолицое, подобное не то румянорожему Силену, не то Санчо Пансе.

Чрезмерной отвагой он не обладает, но в меня быстро уверовал, прицепился ко мне и очень убеждён, что я от немецких пуль заколдован и, раз он со мной, то все в общем благополучно. Иногда он причитает, но больше для виду. За мной он полезет, куда угодно. Я же, в своих частых с ним поездках, люблю рысить неторопливо там, где вижу, ему хочется проскакать по-

скорее, и со вкусом читаю ему в высоком стиле лекции «о любви к отечеству и народной гордости», которые он слушает, накупившись; и моргал глазами..

У него есть много достоинств. Парень он оборотистый, хозяйственный. В его карманах всегда яблоки и спички, и моя лошадь оказывается чем-то накормленной при самых невероятных условиях.

Возвращаюсь в деревню к зарядным ящикам. Ночую в чистой немецкой избе. Хорошая постель. Только перина куда-то исчезла. Вместо нее мне положили сена. Сверху кладут простыню. Раздеваюсь, как следует. Как хорошо будет уснуть. Несколько дальних ружейных выстрелов. Должно быть, балуются немецкие дозоры. Нет чтобы пожалеть Вильгельмова имущества!.. Засыпаю сладко и спокойно. Если не будет тревоги, - будить не раньше половины седьмого.

Денщик пожалел, разбудил в семь. Прежде всего, конечно, бриться. Это моя маленькая слабость.

Моя голова острижена нашим батарейным Фигаро под первый номер и весь мой суровый, загорелый и запыленный вид мало напоминает того франтоватого кавалера, который за несколько дней до отъезда на войну разгуливал у себя на даче в белом спортивном костюме с широким отложным воротником модной мягкой рубашки и говорил комплименты очаровательным дамам. Однако ж я храню мой «грифский» стиль, ношу крахмальные воротники (ради похода марка «Линоль», - весьма остроумное изобретение) и упорно бреюсь каждый день ко всеобщему удивлению. Бреюсь при всяких обстоятельствах и чем угодно, холодной водой, молоком, чаем и даже кофе.

Еще не кончил правую щеку. Вбегают вестовой и денщик.



- Барин! Барин! Ероплан немецкий! Гляди, а то бомбу бросит.

В четыре взмаха кончаю правую щеку. Бомба бомбой, но неприлично умирать с недобритой щекой.

Стиль - великая вещь!

Выбегаю с биноклем на крыльцо,

- Все по сараям! Не толпиться и, не бегать!

Двор, только что походивший на встревоженный муравейник, сразу пустеет... Лошади ещё с ночи поставлены в густом саду, зарядные ящики подтянуты ближе к тенистым деревьям вдоль ограды, чтобы не быть слишком заметными сверху, - насчёт аэропланов предупреждали.

Гляжу кверху, - там, на ясном, утреннем небе, со злобным, басистым и немного гнусавым гудением носится черное крылатое чудовище, точно огромный шмель из Гофмановской сказки. Кружит и уносится в сторону, и вновь возвращается, что-то ищет, что-то выбирает.

После я успел привыкнуть к этим германским шмелям с изогнутыми крыльями, но всякий раз охватывало меня при виде их чувство какого-то злобного бессилия. Что предпринять против этой проклятой машины, шныряющей в высоте и кидающей бомбы, от которых десятки людей обращаются в мелкие клочья мяса и кровавых тряпок! Что-то темное, шмелиное, нечеловеческое просыпается в душе. Так бы и взлетел сам в высоту и впился в этого колдовского шмеля и грыз бы его, рыча от ярости, чтобы свалить на землю. А вместо того надо прятаться, если укрытие близко, и застывать недвижно на месте, если оно далёко, чтобы быть как можно незаметнее и как бы слиться с землей.

На этот раз обошлось без бомбы. Шмелю не попались на глаза человеческие группы и он, покружившись, улетел.

Спешу умываться и пить чай. Из всех нор вылезают, весело балагурия, солдаты. Пью чай на крыльце. Солдатики устроили мне сюрприз. Еще с раннего утра подоили немецкую корову, и я подбавляю в чай густого кипячёного молока.

Подъезжает кавалерийский офицер с несколькими всадниками. Просит угостить папиросой, два дня не курил. Делюсь моим табачным запасом. Приятно видеть, с каким наслаждением он делает затяжки, - даже глаза заблестели. Он из отряда, теперь сменяемого нашим. Пою его чаем и попутно расспрашиваю об обстановке.

Между нами и немцами глубокая река с подходящими к ней во многих местах вплотную лесами. Берега илистые, топкие. Немцы опутали их сетью колючих проволок, частью поверху, частью погрузив в ил. Бродов нет. Есть один железнодорожный мост. Его ничего не стоило бы взорвать и немцам и нашим. Но обе стороны берегут этот мост, как единственное средство для переправы, которое каждый из противников надеется использовать при удаче для наступления. Пока же артиллерийские дуэли да ночные попытки перейти мост пехотой.

Кавалерист со своим маленьким отрядом стоял дня два у самого моря. Рассказывает, какое глубокое волнение охватило его, когда впервые, сквозь лесную опушку, засверкали под солнцем голубые волны.

После, через два-три дня, оказавшись в нескольких верстах от моря, я, выполнив данное мне поручение, соблазнился и сделал порядочный крюк, чтобы увидеть море.

И я пережил это волнение, когда сквозь ветви подёрнутых осенним золотом буков блеснула и через несколько мгновений мощно восстала передо мной уходящая вдаль бескрайняя сине-голубая ширь.

Я вспомнил тогда, как Ксенофонт в своем «Анабазисе⁶» описывает радость, охватившую греков, когда после долгого похода по враждебной стране они увидели море.

Есть чувства, которые неизменяемыми проходят через века.

Талатта! Талатта! ⁷

НА ВОЛЕ

В осенний день, в чужой стране
Я ехал узкою тропею.
Еще не зная о войне,
Горели клены в вышине
Багряно-желтою листвою.
Был еле слышен стук копыт
Сквозь серы мох, внизу лежащий.
Порою дятел простучит
И снова спит зеленый скит,
Ни шелеста в дремучей чаще.
Во глубине лесных хором
Свершалось таинство, и плыли
Перед вечерним алтарем,
Теряясь в сумраке густом,
Столбы рубиновые пыли.
Открылось в зелени окно...

6. «Анабасис», или «Отступление десяти тысяч», — главное сочинение Ксенофонта, в котором он описал отступление десяти тысяч греческих наёмников-гоплитов из Месопотамии на север к Трапезу после злополучной для них битвы при Кунаксе.

7. Море, море! - иноск. шутил: возглас при надежде на близкий успех, удачу (намек на возглас 10000 греков, после знаменитого отступления увидевших Евксинский понт).

– Вот дятел замолчал, простукав, –
И рдело золотом оно,
Как бы мечом просечено
На кружеве старинных буков.
Я шпорю моего коня
Сквозь поредевший лес, и вскоре
Оно глянуло на меня
В венце из блеска и огня,
Многосмеющееся море.
И шум, и плеск, и свет, и синь,
И кипень зыблемой эмали,
Сады неведомых богинь
Ковром лазоревых пустынь
Уходят в золотые дали.
Вперед! Вперед! У ног коня
Бурлит серебряная пена.
Я здесь! Я твой! Услышь меня!
Я отблеск твоего огня,
Твой луч в тисках земного тлена.
И снова узкою тропой
Я тихо ехал в сонной пуще
И долго слышал за собой,
Как там, вдали, взывал прибой,
Всегда о Вечности поющий.
В тот час война и гнев людей
Казались так ненужно мелки,

И было на душе светлей,
И странен был среди ветвей
Далекий рокот перестрелки.

Кавалерист простился, собирается уезжать. Приносят конвертик с приказом. Я назначен офицером-ординарцем к начальнику отряда. Со мною следовать конному вестовому. Эй, седлать!

Беру моего круглоликого Силена, даю ему саквояж с необходимейшими предметами. Едем быстро. Через полчаса стою перед генералом.

С этого момента начинается новая, весьма занимательная фаза моей военной жизни.

II.

Вот уже несколько дней я офицером-ординарцем у начальника отряда. Генерал Х. жил в небольшом двухэтажном домике в деревне Г., у шоссе. Две комнаты внизу и три маленьких в мезонине. Генерал и его адъютант помещались внизу; с адъютантом был и другой ординарец, низенький, добродушный пехотный прапорщик с деловито озабоченным видом. Я занял комнату наверху. Пуховиков - увы! - уже не было, но была деревянная, уёмистая, подобная Ноеву ковчегу кровать, куда мне наложили сена.

Эта кровать мне очень памятна, так как на ней пришлось мне провести во время дежурства не одну ночь без сна, каждую минуту ожидая, что меня позвонит к телефону, находившемуся у гусар в соседнем доме. Ночные вызовы к телефону для принятия донесений с позиции были так часты, что пробовать раздеваться было совершенно бесплодно, и я лежал в полном снаряжении.

Со сном приходилось очень бороться. Сперва был пересмотрен весь запас лежавших в углу на этажерке совсем еще недавних немецких юмористических и иллюстрированных журналов, где «русские медведи» изображались в самых жалких и комичных образах, разбитыми и отброшенными чуть не к самой Москве, а карта Российской Империи перекраивалась за счет будущих немецких побед с неподражаемым аппетитом.

После взялся за несколько захваченных из Москвы книжек «Пользы». Рассказы Джека Лондона проглотил я очень быстро, но зато вырубил роман какого-то немецкого автора «Совиный дом⁸», бесконечное повествование о душевных терзаниях по-

8. Автор Евгения Йон - немецкая романистка, более известная под псевдонимом Э. Марлитт.

терявшей богатство молодой и прекрасной фрейлины, в которую влюблен герцог, но которая сама влюблена в графа. Этот «Совиный дом» сослужил мне большую службу, его я не дочёл и до сей поры.

Первая моя поездка по должности ординарца, была к командиру артиллерийской бригады, полковнику К., жившему в той самой деревне, перед которой были расположены позиции наших батарей. Помню его маленький домик, со всех сторон оплетенный паучьими тенетами телефонов. Помню тот горячий чай с красным вином, которым меня так радушно угощали полковник и его адъютант - молодой и симпатичный князь К.

Зашла речь о местном населении и о той сети предательской сигнализации и враждебного шпионажа, которой мы окружены. Жителям предложено было выселиться из района позиции, и селенья были почти сплошь покинуты, но все-таки из домов, и особенно отдельных ферм, то и дело стреляли в одиночных всадников, да ночью внезапно возникали пожары, зажигаемые немцами, чтобы обозначить расположение наших частей. Вся местность была опутана тайными телефонами. Между прочим они прибегали к одному очень остроумному способу, быстро нами открытому.

Отступая перед нашими войсками за реку, где они раз считывали прочно закрепиться, немцы увели из оставленной ими полосы почти всех крупных собак. После делалось так. Собак дня два держали взаперти, не кормя. Потом выпускали, прицепив к ошейнику катушку с тончайшим телефонным проводом. Голодная собака естественно летела со всех ног домой, разматывая дорогой катушку. Дома ее встречал «мирный житель», примыкал к проводу в каком-нибудь подвале аппарат, и телефон готовь.



Конечно, не все оставшиеся близ позиций мирные жители были шпионами. Были и просто несчастные, старые, слабые и больные, которым было некуда идти и которых наши жалели и кормили, часто делясь с ними последним куском.

У полковника К. тоже оказался такой «подопечный», как он его, шутя, называл. Это был древний восьмидесятилетний старик, одинокий, никому не нужный, покинутый односельчанами во время поспешного бегства. Все богатство его было в свинье и дюжине маленьких поросят, которых он, сам голодный кормил картофелем и кореньями и берег, как зеницу ока.

Полковник взял его под свое покровительство, делился с ним своим хлебом (хлеб на позициях был редкое лакомство!) и строго приказал следить, чтобы его поросята, гулявшие на огороде, ненароком не попали в солдатский котел. Каждый день по утрам полковник сам заходил проверять их сохранность и проведать старика.

Такова ты, русская душа! Немцу не понять ее. Он только посмеялся бы над «славянской сентиментальностью». Но эта сентиментальность есть именно то, за что Бог милует Россию.

Через полчаса я с моим конным вестовым уже еду назад. К нам присоединились еще человек шесть конных солдат. Проезжаем через небольшую усадьбу. Там разместился какой то перевязочный пункт. Останавливаюсь напоить лошадь. Перекидываюсь несколькими словами с подошедшими поздороваться доктором и толстым невозмутимым батюшкой в подряснике, с ременным сползающим кушаком, в широкополой порыжелой фетровой шляпе с серою объемистой флягой для воды через плечо. Доктор рассказывает, что дня два тому назад, когда

они стояли верстах к 15 к югу, им пришлось быть в гостях у немцев. Случилось так, что во время боевых передвижений наш и немецкий перевязочные пункты оказались в полуверсте.

В период роздыха доктора ходили друг к другу в гости. Наши угощали папиросами и чаем, а немцы - хорошим кофе и сигарами.

Скоро начальник отряда решил переменить место своего пребывания, и мы поселились версты на три западнее прежнего, на окраине другого селения, в богатой покинутой жителями крестьянской усадьбе, тоже неподалеку от шоссе.

Я поехал вперёд, чтобы выбрать и приспособить помещение. Вековые вязы и тополя, окаймляющие шоссе, версты на две были спилены в одну ночь, чтобы затруднить неприятелю артиллерийскую пристрелку, и ветвистые их тела лежали на земле, широко раскинув руки, подобно поверженным гигантам. Печальное и грозное зрелище!

В одну ночь рухнуло то, что взращивалось столетием. Промчится военная непогода, но путник уже не укроется в знойный полдень под ними - и ветер не будет шуметь в их темной листве.

Много страшного несет с собой война!

И все-таки во всех этих срубленных лесных великанах, окопах, чернеющих на зеленых пажитях, неведомых одиноких могилах, в этих багровых факелах ночных пожаров, в этих разрушенных домах мрачно вздымающихся к небу угрюмо торчащие оголенные свои трубы, в прожекторах, шарящих по облакам своими ослепительно белыми пальцами, в ритмическом грохоте правильной артиллерийской перестрелки, в сияющих точках шрапнельных разрывов на дневной лазури, в огненных их снопах на черном бархате

ночи, в стрекозином стрекотании пулеметов, в провалившихся в воду взорванных железнодорожных мостах, в домах, плачущих к Богу выбитыми своими окнами, в покривившихся башнях с разбитым верхом, - во всем, во всем, даже в тучах воронья, с криком подымающихся с полей, есть своя суровая красота, желтое и неизъяснимое очарование.

И на войне понял я стих поэта:

«Все то, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья».

А. С. Пушкин. Пир во время чумы

Новое наше помещение оказалось лишённым мебели, хотя бы самой примитивной, и мне пришлось позаимствовать ее из ближайших домов, главным образом из покинутой немецкой школы.

В результате для генерала появился круглый стол, несколько стульев и даже темно-красное бархатное кресло, для прочих же пара белых столов и несколько деревянных кроватей.

Жить можно, - мешало лишь огромное количество мух, черными стаями сидевших на потолке.

С виду соседняя деревня казалась покинутой, но когда стали проводить телефон, в одиночного телефониста было сделано на другой ее окраине несколько предательских выстрелов, на счастье не причинивших ему вреда. Деревню пришлось обыскать пехотой, причем генерал по обыкновению занятый множеством важных дел, кратко приказал мне разобраться с захваченными и поступить с должною строгостью.

Стрелявший, несомненно, успел скрыться и после обыска предо мною стояли четыре седых стари-

ка сгорбленных, больных и одна старуха, оставленные своими во время бегства или, быть может, не хотевших оставить насиженных гнезд даже перед надвигающейся бурей. Ни при них, ни в их домах никакого оружия найдено не было.

Один из них и теперь стоит передо мною, как живой. Посох в руках, древнее, неподвижное, точно высеченное из выветренного камня библейское лицо с седыми прядями падавших из-под шляпы волос, и на нем такая глубокая скорбь, которую, казалось, уже ничем нельзя увеличить.

После краткого допроса я объяснил им, что не сделаю им никакого вреда, но оставаться в районе позиции, особенно в виду выстрелов из их селенья, разрешить не могу, Этот день они проведут в свином сарае, под караулом, а на утро будут отправлены с конвоем на восемь верст в тыл до одного из немецких селений, где еще есть жители.

Я предложил им хлеба. Все взяли, но тот, с каменным лицом, отказался. Я спросил его, неужели он не голоден, и он ответил мне: «Была жена - умерла. Было два сына, - убиты. Я ничего не хочу, кроме смерти».

Что мог я сказать этому, старику? Я положил ему руку на плечо и произнес, указывая рукою на небо, два простых, неуклюже слепленных мною немецких слова: «Gott ist⁹». Но он не ответил ничего и черты его были по-прежнему неподвижны. И много их было, таких, чью жизнь раздавила железными своими ободьями грузно катящаяся по полям колесница войны. Но других было во много раз больше.

Весь край кишел переодетыми немецкими солдатами, - шпионами, убийцами из-за угла, сигнализаторами и поджигателями, которые даже в случаях

9. Искаженно «Gott mit uns» (с нем. - «Бог с нами» - девиз, изображавшийся на гербе Германской империи, широко используемый в немецких войсках с XIX века, в частности выбитый на пряжке ремня).

прямого захвата на месте преступления по большей части избегали заслуженной кары! Обыкновенно их забирали, и кончалось тем, что их отправляли в Россию в качестве пленных или, всего чаще, просто отсылали в тыл.

Мы, умеем драться, но нам всегда трудно принудить себя разделяться со связанным человеком.

Тягостное впечатление от только что виденных мною стариков томило меня и мне хотелось отвлечься. Я тут же нашел случай отправиться вместе с каким-то конным ординарцем отвезти приказ в одну из частей, расположенную при деревни К., в верстах шести от нашего жилища. В те же края направлялся казачий офицер с несколькими своими казаками.

Ехали вместе, очень быстро какими-то путанными лесными дорогами, и в оживленной беседе время пролетало незаметно.

Я опасался возвращаться лесными дорогами, которые плохо приметил за разговором, и решил ехать к югу по шоссе до поворота на другое, приводящее в конечном счете к месту, где мы жили.

Уже в какой-нибудь полуверсте от перекрестка я вспомнил, что придется проезжать у селения Л., высоким участком шоссе, по которому немцы отлично пристрелялись и били с большой точностью. Генерал с самого начала приказал, чтобы ординарцы по этому шоссе не ездили и направлялись окольными путями, но ехать назад было лень, перекресток был совсем рядом и по обычной российской манере думалось, что сойдёт и так. Как раз в это время все было тихо, и ни с нашей, ни с немецкой стороны не было слышно ни единого выстрела.

Я подъехал к повороту благополучно и свернул на другое шоссе. Впереди в пятистах шагах подвига-

лась навстречу группа каких-то всадников, человека в четыре. Вдруг выстрел позади, мгновенный вой снаряда и оглушительный взрыв неподалеку влево.

Я пришпорил коня и, нахлестывая его нагайкой, понесся карьером по шоссе. Всадники впереди тоже ударили по лошадям и мчались навстречу.

Сбоку, вдоль шоссе, - стремительно мелькала кинематографическая лента каких-то строений. Смутно помню полуразрушенный господский дом, облицованный блестящими кирпичами, должно быть построенный не без претензий на стиль. Какие-то черные дыры окон, пробитые стены, торчащие трубы, полуобвалившиеся башни. Какое-то пожарище... Какие-то каменные сараи...

Всадники пролетели мимо. Снаряды гудя взрывались то сбоку, то спереди, и шрапнельные пули звонко щелкали по каменным стенам. Пять минут грохота и бешеной скачки и разом тишина, точно не было ничего. Дорога пошла ниже.

На сей раз сошло! Усталая лошадь перешла на шаг.

В тот же день вечером я сидел на скамейке в плодовом саду близ того дома, где мы жили, под большим каштаном.

Кругом была тишина. День умирал, успокоенный, ясный и теплый. Тонкие кольца табачного дыма плыли в воздухе, напоённом дыханием свежего сена и спелых яблок. Над осенними поздними травами слабо жужжали шмели. Легкие перистые облачка нежной волнообразной тканью розовели на закате. И было все так безбурно и было все так прекрасно и просто, точно не было ни войны, ни окровавленных трупов, ни взрытых гранатами темных и грозных полей.

Из кустов выбежал белый кролик и сел передо мной, насторожив ушки, круглый забавный шар. Я взял его на руки, он не испугался. Должно быть, он был ручным и его, убегая, забыли. Продолжая держать его, я подошел к дому. Генерал стоял на крыльце и курил. Я молча показал ему кролика.

Он долго смотрел на него, и на его всегда суровом лице я уловил с удивлением тень волнения и нежности. «Он ничего не знает о войне. Позаботьтесь, чтобы ему не сделали вреда». Генерал повернулся и ушел в дом.

Я не забыл о кролике. Он ночевал в комнате, в углу глубокой деревянной кровати, наполненной сеном. Его кормили капустными листьями и, когда мы уезжали, я, оставшись последним, пустил его в сад. Пусть он ничего не узнает о войне.

Утром я отправил немецких стариков в тыл. Утром же мне пришлось увидеть еще двух шпионов, уже несомненных.

Один был молодой парень, лет 23-х, здоровый, плечистый, румяный тем ярким румянцем во всю щеку, который кажется почти ненатуральным. Широкое грубое лицо, короткая щетка рыжеватых волос, низкий лоб.

Он, был схвачен при попытке поджога, под платьем нашли электрический фонарь с разноцветными стеклами.

Я спросил его что-то, он ответил грубым ругательством. Нельзя не жалеть беспомощных стариков, но к этому не может быть жалости.

Еще одна незабываемая фигура прошла передо мною. Это была шпионка.

Молодая девушка, стройная, золотокудрая, с легкой поступью и гордо откинутой назад головой.

На ней одежда крестьянки, но она носит ее так, как носят модные платья. Руки белые, изнеженные, не знавшие труда.

Ее заметили на одной из передовых позиций. Вежливо попросили уйти. После на другой, на третьей. То же самое. Уходила, а через некоторое время попадалась опять. Наконец, арестовали, обыскали, нашли фотографический аппарат, снимки позиций, шифр, сигнализационные флажки. Жила она, как оказалось, в отличной господской усадьбе в лесу. С ней вместе взяли ее старика-отца. Помню, я спросил ее имя, она презрительно повела бровями и не ответила ничего.

Она была отправлена под конвоем в один из штабов. Впоследствии, во время нашего отступления, уже на русской земле я встретил ее вновь, неподалеку от Немана. Конвойные везли обоих на обывательской фурманке. Девушка сидела прямо, не стигаясь, рассыпались золотые волны ее непослушных волос. Больше я ее не видел.

Разведчики доносили, что с вершины деревьев на высоких пунктах нашего берега видно, как к городу Л. за рекой непрерывно один за другим прибывают с запада поезда, выгружают войска, и колонны куда-то уходят. Назревало что-то серьезное. Усиливалась дневная стрельба немецких орудий, на которую наши почти не отвечали, чтобы до времени не обнаружить себя. Уже все последние ночи немецкая пехота, переходя через реку по железнодорожному мосту пыталась выбить из лесу нашу, но после упорных схваток, отбиваемая огнем и штыками, отходила назад. В темноте у реки, что ни вечер, беспокойно стрекотали пулемёты и глухо ухала тяжелая немецкая артиллерия. В воздухе веяло близостью решительного боя и мы собирались принять его.

Новая квартира начальника, была назначена при маленьком железнодорожном полустанке, недалеко от центра наших боевых позиций.

Мы переехали туда под вечер. Это было самое лучшее из всех мест, где мы жили. Богатая барская вилла, с красивым, еще молодым английским парком. Стриженные аллеи, жёлтые; дорожки, переплетающиеся в затейливом узоре, купы поздних осенних роз и овальный искусственный пруд с медлительно-важными лебедями на розовеющем его зеркале.

У самого берега повозка на боку, сползший в воду целый ворох дорогих ковров в глубоких тонах поблекшего гобелена. Бежали видимо ночью. Повозка завалилась, и пришлось ее бросить.

В доме великолепная мебель, сдвинутая в беспорядке. Хотели, должно быть, вывезти и не успели. Бросили, как было. Столы и кресла красного дерева, отличный резной дубовый кабинет, глубочайшие диваны, обитые темным бархатом, художественной работы шкаф с инкрустацией из разноцветного дерева, грациозные шифоньерки, маленькие столики с рельефной бронзовой отделкой. Огромнейшие кровати красного дерева с целыми горами матрасов, перин и пуховиков.

Здесь мы расположились комфортабельно. Расставили мебель по-своему. Кабинет для генерала. Рядом комната наша - адъютанта и двух офицеров. В приемной очередные ординарцы. Дальше по коридору, в особой комнате, аппараты полевых телефонов, через час уже соединивших нас с высшим начальством и с отдельными боевыми участками. Распаковали чемоданы, вынули белье, приготовили постели.

Выйдя из дому, я поставил сзади и спереди часовых, а сам пошел прогуляться по парку.

Вечерело. Закатный пламень тихо догорал на горизонте. Прозрачное небо, как огромная опрокинутая над миром бледно сапфировая чаша с розовыми прожилками облачных волокон. Иду по пустынным аллеям, кое-где усыпанным желтыми листьями. Вот мраморный замолкший фонтан. Сажусь на скамейку, укрытую высоким экраном из стриженной зелени. Какой уютный уголок для влюбленных!

Где вы, шептавшие здесь нежные речи? Горячий ветер, ветер, летящий с пожарищ, развеял любовные клятвы и не плачет ли, теперь любимая об утраченном женихе?

Генерал готовит приказы. Завтра, надо думать, бой. Командир одного из полков прислал большую пачку немецких погон и солдатских билетов с обозначением частей и фамилий. Это снято с убитых после только что отраженной немецкой атаки. Все в крови, многое прострелено пулями. Гляжу на красные пятна, расплывшиеся по сероватой бумаге. Как просто! Совсем как пролитые неосторожно красные чернила. Посмотрев, кладу на подоконник.

На столе тарелки, ножи и вилки.

Из кухни тащат дымящиеся бифштексы. Есть белый хлеб. Сегодня будет пир. Велели еще сварить чёрного кофе. Отправим приказы и рано заляжем спать.

Захожу проверить телефонистов. Вдруг четыре протяжных и резких гудка. Это вызов высшего начальства. Беру трубку. Отчетливый, металлический голос вызывает начальника отряда. Иду в кабинет, - докладываю и, возвратившись, вместе, передаю генералу трубку. Стою сзади, - ожидая распоряжений. Генерал внимательно слушает. Его брови сдвинулись.

- Выйдите все.

Я и телефонисты выходим из комнаты. Творится что-то важное. Через пять минут генерал созывает офицеров в кабинет.

«Приказано немедленно отступить. Садитесь, - я продиктую приказы войскам. Разослать их немедленно с ординарцами и подтвердить по телефону».

Впоследствии мы узнали, что против нашей армии, в тот день стояло 8 новых корпусов немецких, спешно переброшенных с французского фронта, чтобы остановить наш стремительный набег в Восточную Пруссию, в этом отвлечении и состояла наша задача¹⁰. Но в тот момент мы, простые офицеры, конечно, еще не знали ничего.

Приказы продиктованы. Генерал обращается ко мне: «Распорядитесь укладываться. Пехоте, казакам и конным ординарцам изготавиться немедленно. Мы выступаем через тридцать минут».

Выходя, размышляю. В тридцать минут надо сделать многое. Сперва приказываю личному прикрытию генерала, 28 пехотинцам, собраться, построиться и быть наготове, казакам и конным ординарцам немедленно седлать лошадей. Теперь можно подумать и о себе. А думать, есть о чем.

Все эти дни при переездах наши вещи переправлялись на маленьком немецком тарантасе, но особой лошади, с упряжкой к нему не было.

Как быть теперь! Быстро решаю. Надо спешить моего конного вестового. Лошадь впрягу в тарантас, сам он за кучера. Остановка за упряжкой. Я должен

10. В директиве от 13 августа Верховный главнокомандующий русской армии великий князь Николай Николаевич поставил перед Северо-Западным фронтом задачу перейти в наступление и нанести поражение противнику. Соответствующую директиву командующим армиями направил в тот же день генерал Жилинский. 1-й армии предписывалось выступить 14 августа, перейти границу 17 августа, обойти Мазурские озёра с севера и отрезать немцев от Кёнигсберга. 2-я армия должна была выступить 16 августа, перейти границу 19 августа, обойти Мазурские озёра с запада и не допустить отхода германских войск за Вислу.

добыть ее! Не оставлять же мне в жертву немцам мое белье, мои куртки, мои духи, мои бритвы, наконец, мой нелепый брезентовый чемодан-кровать системы «Демент». Я купил его в Москве за 42 рубля по совету моего доброго друга поэта А. Брюсова (он же Alexander), который понимает толк решительно во всем и рассуждает так убедительно, что ему нельзя не поверить. Я проклинал в походе не раз этот грузный, громоздкий и жесткий аппарат, где все перекладыны выпирают вам прямо в ребра, но это мой крест и я хочу нести его честно. Где найти упряжь? В конюшнях пусто. Интуиция подсказывает: чердак. Шарю на чердаке с электрическим фонарем, нахожу чулан, в чулане пара отличных шлей¹¹. Полдела сделано. Остаются постромки. Гляжу по сторонам. Круги каких-то шелковых с проволокой кабелей для электрической проводки. Годится! Ура, мой «Демент» спасен! Все это забирают вестовой и денщик. Гора с плеч долой! Теперь можно подумать и о кофе. Он уже давно стоит на столе и обидно оставлять его немецким разъездам.

Пока вестовые выносят уже сложенные вещи и хлопочут с тарантасом, я надеваю шинель, застегиваю походное снаряжение и торопливыми глотками пью крепкий, сладкий черный кофе.

Генерал в своей коляске проехал вперед с адъютантом и десятком казаков. С ним же в коляске другой офицер-ординарец. Он пехотный и не имеет лошади. Пропускаю сперва пехоту и повозки. Пересекаем железную дорогу. Еду вперед с конными ординарцами. Нагоняю генерала.

- Прапорщик! Я с казаками и конными ординарцами поеду более северным путем. Вы свернете на-

11. Шлея (польск. szleja) - часть конской упряжи, охватывающая всю длину лошади. Удерживает хомут в нужном положении при спуске лошади, а также при остановке, при этом лошадь упирает в шлею ягодицами.

право и поведете пехоту и повозки в Мелаукен¹². Там присоединитесь ко мне. Мелаукен верстах в двадцати. Он находится на востоке.

- Слушаю, Ваше Превосходительство.

Возвращаюсь к пехоте. Сворачиваем направо и углубляемся в лес по узкой дороге.

Еще несколько минут, - и темная чаща, словно задвинувшись, принимает маленький отряд мой в свои неприветливые недра. Надо найти Мелаукен. Он находится на востоке.

12. Округ Лабиану.



III.

Что знал в отдельности я, временно прикомандированный офицер-ординарец, я тихо ехал верхом неширокой лесной дорогой впереди своего маленького отряда. За мною следовали семь рядов пехоты и две повозки с багажом, окружённых вестовыми.

Двигались в молчании. Лишь изредка позвякивали солдатские котелки, да жалобно поскрипывал несмазанный немецкий тарантас с вещами. Мой верный денщик Костин перегрузил его свыше меры и теперь сам шел около, подпирая в опасных местах это сомнительное сооружение, связанное всевозможными веревочками, снабженное в последние полчаса постромками из каких-то электрических проводов и грозившее каждую минуту рассыпаться на все свои составные части.

Луна показала из-за негустых облаков печальное свое лицо - тогда по обе стороны сплошную, бледную массу возник бор, и мы плыли блистающим светлым каналом, где струилась меж серебряными стенами лунная река.

То вдруг закрывалась луна фатою, и тьма, враждебное чудовище, таившееся за стволами; спешила протянуть на дорогу свои длинные цепкие щупальца. Мглистыми становились очертания деревьев и тускнели, и пропадали, и расплывались, и таяли, словно чьи-то невидимый руки бесшумно свивали все видимое в один легкий свиток.

Так в театре свивают ненужные декорации во время мгновенной перемены, при потушенном, зрительном зале, и стены уходят, и со сцены веет холодом зловещая жуткая чернота, провал, уходящий в бесконечность.

И снова лунное сияние дрожит в вышине, пробивая сквозь легкую облачную пелену, и кругом встает, быстро возвратившийся на место, земной обманчивый мир. Смутные шорохи, шёпоты, шелесты, таинственные лесные голоса ползут из чащи. Совы перекликаются в глубине. Непонятные, легкие свисты проносятся и замирают:

“Свист зверин
Диве кличет верху древа,
Зовет послушати земле неизвестной”.

Вспомнилось мне из “Слова о полку Игореве”. О, как вы близки мне, через века, дружинники славного князя Игоря и буй-тура Всеволода, шедшие много столетий назад по земле половецкой.

“ О русская земля! Уже за шеломянем еси¹³”.

Как далека ты, моя родина!

Отрываюсь от моих мыслей. Я не один, мне вверены люди. Я должен найти Мелаукен. Мелаукен находится на востоке.

Облака разошлись. Поднимается легкий ветерок. Неподвижное лесное серебро стало струящимся и зыбким.

Из поперечного лунного потока выплывает какая-то серая вереница.

- Кто идет?

- Свои.

Подъезжаю. Два хмурых прапорщика ведут туда же, что и я, полуроту и тоже обуреваемы сильными сомнениями насчёт дороги.

Соединяемся. Вместе спокойней и удобнее. У попутчиков есть двухверстная карта, хотя они поглядывают на нее довольно нерешительно. Разбираемся по

13. По созвучию «о русская земля уже ты за хомом».

ней сообща. Выходит как будто, верно, впрочем.

Двигаемся дальше. В критических обстоятельствах я всегда весел, - веселеют мало-помалу и мои новые спутники.

Выступает какая-то деревня. Хорошо бы узнать ее название, - тогда могли бы отлично ориентироваться по карте. Приближаемся к домам. Стучим. Не тут-то было. Нет ни души.

Темные окна и одинокой пес на дороге, жалобно воющих на луну.

Едем. Снова перекрещивающиеся лесные дороги, ведущие неведомо куда.

Ничего! Общее направление на восток.

Мелаукен находится на востоке.

Начинает светать. Небо розовеет. Над лесными полянами клубится туман. Ночные чудовища спрятались в чаще. Все так просто, спокойно и ясно. Делается ясной и такая неубедительная ночью карта.

Вдали непрерывный шум колес. Скоро выходим на большое шоссе, где сплошной лентой тянется артиллерия. Солнце брызнуло из-за стволов и заиграло на стали орудий и жалах пик идущей за ними конницы.

Втягиваемся в общее течение. Дальше все просто.

В 9 часов утра мы в Мелаукене.

Генерал X. со своими всадниками приехал часа на два раньше меня и остановился в отличном покинутом отеле. Когда я прибыл, он находился на совещании с командирами полков. Точно еще ничего не было известно, но говорили, что мы выступаем дальше сегодня же.

Я тоже выбрал себе чистый и удобный номер, и денщик внес туда мой чемодан. Но прежде, чем толком подумать о себе, надо было, подумать о моих 28 пехотинцах.



Это были два отделения из разных полков, данные генералу в виде личного прикрытия и, в силу расстояния и частых передвижений, давно утратившие постоянную хозяйственную связь со своими полками. Их продовольствием, в числе различных моих функций, ведал я и кормил их, как мог и умел, изворачиваясь всякими средствами и пуская в ход всю изобретательность, на которую был способен. Скажу одно: в общем они не голодали.

В ответ на мои заботы они привязались ко мне, как дети, и уже впоследствии, при случайных походных встречах на биваках и привалах, завидев меня издали, бросались ко мне всей толпой, окружали, радовались, оделяли меня яблоками из своих тощих солдатских карманов.

Итак, надо было накормить и устроить моих пехотинцев, изнурённых ночным переходом. Иду на поиски. В том же доме нахожу большой театральный зал с фойе и рестораном. Стены зрительного зала декорированы флагами разных германских государств и их национальными эмблемами.

Должно быть, последнее, что было здесь, - какой-нибудь патриотический вечер или праздник.

На сцене еще висел сделанный, видимо, к случаю, ярко расписанный занавес: портал какого-то дворца, сверху на облаках цифра «1914», на ступенях дворца достаточно безвкусные толстоногие и толстошеие гении с трубами венчают лаврами дебелую молодую женщину в шлеме, опирающуюся на меч, надо полагать, Германии. Одно из окон было выбито и краски просырели и затекли. Флаги съежились и повисли, как тряпки. Дебелая женщина, распустила губы, а толстощёкие гении плакали сверху темными грязными слезами.

Какой еще казармы для моих пехотинцев! Мигом в зал наносили сена из сараев на дворе, и вдоль одной из стен было устроено сплошное мягкое ложе.

Посреди зала составили ружья в козлы.

Мне не хотелось причинять вреда этому бледному поблекшему театральному великолепно.

«Братцы! Смотрите у меня. Со стен не рвать, ничего не трогать. Сена по залу не раскидывать. Будете спать, лежите рядком, как барышни».

Одно дело готово. Но надо сперва их накормить. Посылаю троих в огороды промыслять картофель и брюкву. Дал несколько рублей на покупку хлеба у немцев. Сам отправляюсь в нижний этаж дома; там еще сначала заметил я большой колониальный магазин и с места поставил к нему часового.

Захожу туда. Увы! Магазин смешанный, все больше мануфактура, галантерея, да железные предметы. Однако, пошарив, нахожу сало в запаянных жестянках, штук десять банок с мясными консервами и ящик отличного чаю.

Великолепно! У моих пехотинцев будет картофельная похлебка с мясом и с салом и по четвертке чаю в придачу.

Отбираю сколько нужно. Велю забрать. Над прилавком приколачиваю гвоздем написанную чернильным карандашом квитанцию:

Такого-то месяца дня, 1914 года.

Взято для нужд российской армии:

Банок сала - 4.

Банок консервов мясных - 10.

Пакетов с чаем - 28.

Прапорщик такой-то.

Выхожу спокойный.

Теперь мои солдатики будут сыты.

Что же мне делать дальше? Иду к себе в номер. Денщик уже устроил постель. Разве соснуть? Но в окна светит яркое солнце, да и стоять ли ложиться на два часа. Мало ли суток проводил я без сна на своём веку по всяким приятным и неприятным причинам? Есть силы, не все ли равно?

Самое правильное, по-моему, побриться, что я упорно стремлюсь делать ежедневно. Прошу денщика добыть у солдат кружку горячей воды. Принесит кружку горячего чая, - кипятку нет, - пехотинцы вскипятили чай прямо в кухонном котле ресторана. Что за беда, - побреюсь немецким чаем.

- Тащи другую. Из этой буду бриться.

Мой неуклюжий Лепорелло привык к моим чужачествам и все-таки считает долгом, уходя, поворачивать под нос.

- Ну, ну, не бурчи! Я себя, а не тебя брею. И тебе бы полезно, - ты вот медведь медведем.

Костин уходить. Еще в России он купил машинку для стрижки, но почему-то бережёт ее, и не стригся ни разу, из-за чего и похож на существо пещерного периода.

Я побрился, умылся, протер лицо одеколоном, сел в глубокое мягкое кресло у окна и курю, прихлебывая горячий чай. Мне, кажется, я отдохнул совершенно.

Генерал вернулся с военного совещания и ушел к себе в номер прилечь. Адъютант с другим прапорщиком тоже.

Все выяснилось. Мы выступаем в пятом часу.

Пошел проведать пехотинцев. Они уже поели свою похлебку и завалились спать. Лежат себе чинно, рядком, вдоль стены в театральном зале, под немецкими гирляндами и немецкими флагами. У

составленных ружей часовой. Ветерок сквозь окно чуть колышет занавес с героическим германским апофеозом. Глубокая нежность к этим одиноким стриженным затылкам охватывает меня.

Часов около пяти мы выступили из Мелаукена.

Ехали в общей веренице отступающих войск.

Широкое шоссе, как всегда, с деревьями по бокам. В сторону, сколько хватит взор, зелёные равнины. Реже леса... Порой селенья с черепичными красными кровлями в зелени садов. Резкие, неправдоподобные силуэты ветряных мельниц, всегда вызывающих во мне воспоминания о каких-то детских сказках.

Где-то глухие удары канонады. Это отходят с боем более южные части наших войск, уже достигнутые неприятелем.

Ветви раскачиваются с тревожным и злобным шумом. Холодно. Я поднял воротник моей валдайской шинели и отдаюсь своим мыслям.

Передо мною недостижимое, далекое. Думаю о единственно любимой, что, быть может, плачет обо мне по ночам и смотрит в темноту широко раскрытыми глазами. И другие проходят милые, родные мне лица. И еще многие, многие друзья и враги.

Дремлю в седле под неторопливый ход моего коня. Явь завлакивается сном, и я брожу по его странно знакомым тропам, и странно близкие и вместе чуждые вижу образы, и бледные руки тянутся ко мне из тайного замка снов, прекрасного и невозможно фантастического Орвиетто.

С усилием открываю глаза. Впереди очертания домов и между ними пылают два круглых электрических глаза. Белые ослепительные снопы света пересекают площадь, в нее вливаются и снова исчезают сплошные колонны войск.

Это огромный автомобиль-начальника дивизии.

Лошади косятся и храпят. Проезжаем ярким пространством, щуря глаза от непривычно сильного света. Еще немного, и снова дорога, и ветер и луна.

Скоро останавливаемся. В этом районе назначен ночлег - генерал отправляет меня найти помещение. С нами вместе расположился один из пехотных полков. Отправляемся вместе с полковым адъютантом на поиски. Скачем напрямик через поле к каким-то белым зданиям, далеко видимым под луной.

Превосходно! Покинутый завод. Целый ряд просторных каменных сараев и складов, где легко уместится целый полк. Рядом двухэтажный дом владельца с балконами и большим садом. В доме будут ночевать офицеры.

Через двадцать минут у нас в доме есть три стола, штук восемь стульев, отличный белый хлеб, яйца и масло.

Натопили несколько комнат.

Закусываю, пью чай и, укрывшись шинелями, мёртвым сном засыпаю на полу, на свежем ворохе сена.

Утром разбудили, чем свет. Надо ехать с приказом от генерала в различные полки. Когда вернулся, все уже было уложено к походу. Не досталось ни чаю, ни съестного. Что делать! Дорогой постараюсь утешиться немецкими яблоками.

Мы выезжаем. Отряд будет следовать разными дорогами, в общем параллельными друг другу.

Скоро я с моими пехотинцами оказываюсь в стороне, на небольшом просёлке. С нами идет еще какая-то пешая команда с прапорщиком. К вечеру я должен прибыть в г. Краупишкен¹⁴ и явиться в место

14. Первое упоминание Краупишкен относится к 1352 году. Входил в состав Пруссии. В 1708—1709 годах половина населения умерла от эпидемии чумы, и король Фридрих Вильгельм I повелел поселить колонистов из Зальцбурга. В 1902 году Краупишкен стал железнодорожной станцией узкоколейной железной дороги Инстербург-Рагнит. В 1938 году был переименован в Брайтенштайн.

остановки штаба дивизии, где к тому времени уже будет наш генерал.

Все ясно. Дорога на карте отмечена подробно. Никаких сомнений быть не может.

День протекает очень скоро. Голод несколько заглушен яблоками из придорожного сада и жесткими, не очень съедобными, грушами.

Через час отдельной боковой дорогой въезжаем в Краупишкен и выбираемся на главную улицу.

Пока начальство совещается, болтаем с прикомандированным к штабу моим товарищем по последнему учебному сбору прапорщиком А-вым, славным юношей, на редкость невоинского вида, с добрыми, близорукими, ребячьими глазами, смотрящими из-под стекол очков. Юрочка (так его называют все) угощает меня шоколадом, который у него вечно во всех карманах, и чаем без сахару.

Наконец, генерал выходит, и мы вместе с нашей пехотой, конными ординарцами, казаками и повозками переезжаем на другую окраину города, где генерал решил остановиться.

Въезжаем на большой двор какого-то полугородского, полусельского дома на окраине. По соседству на поле костры, - там расположился какой-то полк.

В доме налаживается кофе и жарят яичницу.

Думаю об этом с наслаждением. Утром ни есть, ни пить не пришлось. Днем яблоки и шоколад, - этого положительно мало.

Увы! Судьба упорно хочет приучить меня к воздержанию. Меня вызывает генерал.

- Мы выступаем через полтора часа. У меня сейчас будет совещание командиров полков. Все уведомлены, кроме полковника N. Поезжайте, найдите и пригласите его немедленно ко мне.

Сколько мне известно, N-ий полк должен был по прежнему расписанию, стать на ночь бивуаком в деревне Б. Спрашиваю генерала для верности, там ли он находится.

- N-ий полк должен был, действительно, ночевать в Б., но туда еще из города послано приказание пройти город и выйти на другую сторону. Идет он через город или в обход, я не знаю. Вы должны его найти.

Делаю под козырек и выхожу.

Задача, по совести, нелегкая. Город большой, раскиданный. Через него проходит много дорог. Ни его, ни окрестностей не знаю. Тьма кромешная. Луна показывается изредка и вновь исчезает надолго.

Беру двух казаков и моего конного вестового.

Одного казака посылаю в одну сторону, сам с казакom и вестовым еду в другую. Нахожу одну роту из нужного мне полка, но она следует отдельно, и командир ее не знает, где в данный момент их полк. Знает только, что в числе уже прошедших мимо войск его полка нет.

Быстро еду в другую сторону. Шоссе, впадающее в главную улицу запружено. Чтобы облегчить путь, спускаюсь по откосу и пробую пробраться полем.

Натыкаюсь на какие-то проволоки и канавы - приходится возвращаться. Пытаюсь пробиться по шоссе, где стоят в два ряда повозки. Ругаюсь, проталкиваюсь, убеждаю. Лошадь спотыкается, задевает оглобли, постромки, колеса.

Проходит всего около часу, пока после невероятных усилий мне, наконец, удаётся добраться до полка, где я узнаю, что посланный мной казак только-что известил полковника и он уже едет к генералу.

Слава Богу! Со спокойной душой еду назад. Теперь, наконец, можно взяться и за кофе.

Но кофе, положительно, неуловим. Весь уже выпит. Мы сейчас выступаем.

Ко мне кидаются вестовые и мой денщик. Он еще больше всклокочен. У них горе, - отказывается служить тарантас с нашими вещами. Он долго кряхтел и в самый неподходящий момент развалился. Что делать? Неужели бросать вещи?

Как! Бросить мою кровать-чемодан остроумной системы «Демент», от которой у меня вечно ноют бока, и там все мои пожитки? Да никогда!

Быстро выкатываю какую-то старую немецкую фурманку. Сейчас же перепрячь! Помогаю сам. В пять минут все сделано, - и вовремя. Генерал выходит, садится на коня и мы выступаем.

...Еле движемся, медленно пробиваясь сквозь сплошную вереницу людей и повозок, запрудивших неширокую дорогу. Еще темно, но уже мутный брезжит предутренний сумеречный свет. Усталые лица людей кажутся землистыми и серыми.

Блеснули первые лучи солнца. У околицы полуразрушенного селения двадцатиминутный привал. Все тело ноет, голова кружится от усталости и голода. Слезая с коня и бессильно опускаюсь в придорожную канаву.

Лежу лицом на влажной траве, нет сил даже курить, по телу разливается странное оцепенение, какой-то упадок всех чувств.

Надо было видеть, как захлопотали около меня мои верные пехотинцы. Подложили под голову шинель, на каких-то щепках мигом вскипятили мне в кофейнике чаю. Из скудных своих солдатских тайников совали мне яблоки, сухари, пару давно хранимых измятых печёных яиц и даже небольшой кусок копчёного сала.

Я выпил тёплого чаю с огрызком сахара, съел, размочив, пару сухарей и яйцо и вновь почувствовал себя бодрым и окрепшим. Бесхитростного солдатского участия, простой, идущей от сердца солдатской ласки я не забуду никогда.

Вот я в седле, и мы снова движемся. День облачный, но пока еще с солнцем. Было бы жарко, если бы не ветер. Подтягиваются отдельными группами отставшие. Идем медленно и долго. Такое чувство, словно шли года и будем идти так до скончания века.

Справа впереди заговорили орудия. Еще далеко, но в направлении нашего движения. Значить, немцы, наконец, настигли нас, выйдя нам во фланг, и наши главные силы уже завязали бой.

Слава Богу!

Лучше бой, чем эта нескончаемая дорога.



IV.

Словно малый корабль, затерянный в необозримости моря, шел наш отряд ночью и днем в полном порядке с обозами впереди, среди враждебной страны, преодолевая усталость и лишения. На десятиминутных привалах, на двухчасовых ночлегах люди валились на землю и спали как убитые, не в силах думать о еде. Всадники спали на конях, артиллеристы на передках и зарядных ящиках, но каждый понимал, что надо было идти. И все мы знали, что справа и слева, сзади и спереди, из каждого куста, из каждой лесной опушки стережет нас смерть.

Не было страха смерти, был только страх доставить многочисленному врагу удовольствие раздавить нас. И как все движения немцев сводились к одной цели - обойти и окружить нас, так все наши помыслы и желания слились в одно напряженное усилие, в одну повелительную мысль - пробиться и уйти, не доставив им слишком легкой победы. Мы были готовы, если отступление будет отрезано, дорого продать свою жизнь, но было еще важнее сохранить семнадцать тысяч жизней для родины, чтобы отдать их ей в более нужную минуту.

Мы были одиноки, и злоба окружила нас. Она дышала в глазах встречавшихся жителей немецких селений, она сквозила в их злорадных улыбках и слишком поспешных поклонах. Днем - поклоны, а ночью - стрельба в разъезды и пылающие дома, поджигаемые немцами, чтобы обозначить наш путь.

О, эти лунные ночи! По гладкому, как стол, германскому шоссе в суровом безмолвии тянутся войска.

Ни слова, ни возгласа. Только мерный стук колес и глухое погромохивание тяжело катящихся орудий. Ветер жутко шумит в листве высоких старых деревь-

ев, двумя рядами окаймляющих дорогу. Ветви качаются, и лунные облики испуганно мечутся вниз.

Вокруг стелются неведомые шорохи и шелесты. Как будто духи разгневанной нашим вторжением чуждой стихии дрожат закипающей яростью и тянут к нам из белого лунного тумана свои незримые руки. Мы одни. Крутом нас белый прозрачный туман, белое мертвое зыблющееся море.

На третий день неприятель, шедший наперерез настиг нас под деревней К., выйдя нам в правый фланг, и нам пришлось принять аррьергардный бой.

Около двух часов дня, когда, исполняя данное мне поручение, я въехал в небольшую деревню за 1,5 версты до К., меня охватила атмосфера преддверия боя. Столпившиеся вереницы повозок, сумрачно и стройно уходящая пехота, быстро улетающие куда-то вперед сотни казаков с наклоненными пиками, ветер, вздымающий пыль, тревожные лица скачущих ординарцев и над всем этим висят глухие удары пушечной канонады там, впереди, за К., где на ярко-зеленом фоне белеют какие-то здания.

Начальник отряда был уже в К. Я поскакал туда с конным ординарцем доложить, что данное мне приказание исполнено. Полторы версты по открытому шоссе, и я в К.

Красивое селение на двух холмах. Дома утопают в садах. На одном из холмов господский дом с обширным парком. Через оба холма главная улица. Между холмами внизу ручей с мостом и за ним небольшая площадь. От нее из деревни уходит шоссе. За ним впереди деревни идет бой.

Проезжая через опустевший парк, я увидел на измятом копытами гравии дорожки сломанное серсо¹⁵ и большой голубой резиновый мяч.

15. Обруч (франц.).

Два дня назад, когда дети играли в парке и тихо позванивали на закате колокольчики бредущих к дому коров, знала ли ты, мирная немецкая деревня, с поцелуйным именем, что скоро твои зеленеющие сады, твои тихие поля будут вспаханы взрывами тяжелых снарядов и опустошительный смерч опалит тебя багровым дымом и дыханием летящего свинца?

Целый день бог войны пламенел яростно над К. и его окрестностью. Весь этот беспощадный день стоит в моей памяти, как живой. Большую часть того, что было, видел я сам, подробности знаю от очевидцев и участников.

Около трех часов дня в деревню влетел огромный открытый автомобиль с начальником дивизии, - седым, но бодрым генералом. В течение часа он объезжал наши позиции, под сильным шрапнельным огнем, останавливаясь возле передовых частей и благодаря солдат за честную службу. В группе стоявших у штаба офицеров мне пришлось слышать выражения неудовольствия по поводу того, что начальник части рискует жизнью, бравирюя опасностью, как молодой офицер, только что выпущенный из полка.

В четыре часа дня наш полковник, командир артиллерийской бригады, поехал осмотреть работу наших батарей, уже с полудня громивших неприятеля. С ним отправились трое, - я, его адъютант и еще один офицер. Выбравшись из деревни, мы быстро проехали по обстреливаемому шоссе и, свернув в сторону, оказались на обширном низменном поле, где стояли резервные, зарядные ящики наших батарей. В это время над резервами стали рваться неприятельские шрапнели.

Еще несколько минут, и стройные ряды зарядных ящиков под отчетливую команду мерным шагом выехали на позицию. Оттуда, несмотря на огонь,

они уже не тронулись до конца боя. Между тем, недалеко впереди неумолкаемо грохотали наши батареи. Вся тяжесть неприятельского огня легла на них в первую очередь. Над ней взвивались облака дыма и полыхали огни от разрывов неприятельских снарядов. Глядя со стороны, было видно, как на небольшой квадрат земли стремится с неба как бы густой рой огромных огненных пчел, и было странно думать, что на этом куске земли может остаться какое-нибудь живое существо.

Командир батареи капитан Ф-в был сбоку от нее - на небольшом кладбище, где стоял одинокий красный домик. Там находился наблюдательный пункт, и оттуда командир управлял стрельбой. Там же был командир дивизиона, руководившей стрельбой всех трех наших батарей.

Бой пришлось принять в той обстановки, в какой застал нас неприятельский огонь, и ни о каких окопах и особых прикрытиях думать было некогда.

Вскоре после начала боя, часа через два, капитан Ф-в был ранен пулей в грудь на вылет.

Поддерживаемый солдатами, полуумирающий, высоким напряжением воли, он продолжал делать наблюдения и отдавать команду в течение 15 минут.

Вторая пуля, попав ему в рот, пресекла его жизнь.

Славная смерть! Боже, прими его душу в селениях праведных! Он умер, как герой, и последний вздох свой, последнюю каплю крови, последнее движение разума отдал Родине.

Я хотел бы сказать его близким: не плачьте, он не умер, он будет жить в памяти нашей, и его имя будет служить незабываемым примером высокой воинской доблести.

Тело капитана Ф. внесли в близлежащий домик, скоро он загорелся, от ударившего туда снаряда и долго пылал этот погребальный костер, раздуваемый ветром. Тело храброго не досталось врагу.

Убитого командира первой батареи сменил старый офицер. На его долю выпало вынести на себе большую часть этого долгого дня. Занятый неприятелем лес, находившийся впереди батареи, словно неистощимый муравейник, высылал против нас все новые и новые части. Вот, прикрываемая огнем еще невидимой нами неприятельской артиллерии, вытянулась из леса немецкая батарея и стала заворачиваться на рысях, чтобы открыть огонь. Но ей не удалось этого сделать. Минутная, но точная пристрелка, несколько метких очередей бешеного огня, и неприятельская батарея была разгромлена, не сделав ни единого выстрела. Жалкие остатки ее, несколько отдельных людей нашли спасение в лесу. Высунулись, было, с левой стороны леса несколько эскадронов неприятельской кавалерии, но меткие залпы заставили ее укрыться обратно, уйдя с поля нашего зрения. Тотчас лес был обстрелян нами в этом направлении, ступенями, и скоро казачий разъезд, проехавший мимо леса с невидной нашей стороны, донес, что на его глазах неприятельские эскадроны превратились в бесформенную грудку людей и лошадей.

Из леса двигались новые силы. Две колонны пехоты выступили оттуда в обход нашего правого фланга и под убийственным огнем наших орудий двинулись к батарее. Наши снаряды укладывали их сотнями, и часть их обратилась в бегство. Но другая упорно продвигалась вперед, пользуясь мелкими овражками между лесом и батареей. Там залегли, густые неприятельские цепи.

Свинцовый град хлестал по щитам и металлическим частям наших орудий.

Лежавшая впереди, как прикрытие, наша пехотная цепь, убавившись наполовину, отошла и очутилась на самой батарее. Неприятельская пехота была менее чем в 300 саженях, нашим орудиям приходилось стрелять при самом коротком технически-возможном прицеле. На батарее царил настоящий ад. Непрерывный ружейный огонь подступающей неприятельской пехоты, смертельный дождь спрятавшихся в лесной опушке немецких пулемётов и грозные удары до сих пор необнаруженной далеко стоящей тяжелой германской артиллерии. На батарею с оглушительным грохотом сыпались огромные бризантные гранаты¹⁶, вырывая целые ямы и окутывая все кругом чёрным едким дымом. Минутами среди орудия воцарялась тьма и от одного орудия было не видно другого.

Батарея была в опасности. Но новый командир ее не растерялся. Скромный и застенчивый в жизни, здесь в бою он был стремительный, горячий и веселый. Контуженный в плечо и ногу, не укрываясь за щитами, он быстро переходил от одного орудия к другому, видный врагам во весь свой рост, ободряя солдат шутками и островами. Видя близко наступающую немецкую пехоту, он бросился к своим пехотинцам, бывшим уже на батарее и позади батареи: «Ребята! Неужели отдадите немцам русскую артиллерию! Стыдно вам будет! За мной, молодцы! В штыки!». И ободренная пехота вместе с артиллеристами бросилась вперед бегом с громовым «ура». И такова была бешеная стремительность ее напора,

16. При разрыве бризантной гранаты в воздухе осколки летят навесно и поражают цели, находящиеся за вертикальными укрытиями. Если бризантная граната не разорвется в воздухе в случае отказа дистанционного механизма взрывателя, то она разорвется при падении на грунт, так как, кроме дистанционного механизма, такой взрыватель имеет еще и ударный механизм.

что в двадцати шагах от нее немцы не выдержали и обратились в паническое бегство. Нисколько минут, - и все поле впереди до самого леса опустело. Только груды немецких трупов обозначали путь отступившего неприятеля.

Оставив пехотные цепи впереди, новый командир вернулся на батарею, и снова завязал правильный артиллерийской бой с далекой немецкой артиллерией. Его поддерживали две других наших батареи...

Между тем ответная неприятельская стрельба ослабевала. Надвигалась ночь. Быстро темнело, и само небо, одетое тучами, как будто хотело прекратить кровопролитие.

Был получен приказ отходить. На батарее было убито около 100 лошадей и около трети людей. Когда собрали наличные запряжки, их хватило только на четыре орудия. Остальные вывезли на руках и так катили более версты до близлежащего шоссе. Отправив четыре первых орудия по назначенному пути на уменьшенном числе запряжек, командир под покровом темноты с несколькими запряжками и двумя десятками артиллеристов и случайных пехотинцев вернулся за остальными и увез их по направлению к К. Жестокий пулеметный огонь застиг их на дороге. Немногим из этих храбрецов удалось вернуться. Поздней ночью командир и двое-трое уцелевших присоединились к ушедшей вперед батарее. Его беззаветной отваге дивился весь отряд.

Счастливо войско, где есть такие офицеры.

Была темная ночь. К. опустел. Выступившие части были уже далеко впереди. Только в одном доме еще светил огонь. Там оставались, желая пропустить все войска и уйти последними, генерал, начальник отряда, командир артиллерийской бригады и несколько офи-

церов. У дома стоял эскорт - три десятка казаков.

Я получил приказ стать у площади между холмами с пятью казаками, чтобы указывать отставшим дорогу.

Темная, безлюдная площадь. Сбоку мостик, над которым нависли деревья. Под ними стоим мы. Впереди в полуверсте пылает зажженный дом, четким факелом рисуясь на багровеющем горизонте. В деревне в нескольких стах шагах загорался другой, подожженный, как всегда бывало это, немецкими шпионами. Клубы пламени и рои золотых искр, летящих в черное небо. И от этого еще гуще и беспросветнее темнота под деревьями.

Слышны шаги! Казаки насторожились. Их низкорослые лошади словно срослись с землей, точно присели, готовясь к прыжку... Минута ожидания!.. «Кто идет?» - «Свои», слышится из темноты. Это уходят отставшие и бредут легкораненые.

Вот прошли последние. Больше никого... Только ночь, только безлюдье, треск горящих домов и таинственная чернота, глядящая тысячью враждебных глаз. За деревней дробный треск пулеметов и грузное пыхтение блиндированных автомобилей¹⁷. Это неприятель шаг за шагом занимает оставленные позиции, осторожно продвигаясь в темноте и прощупывая пулеметным огнем пространство перед собою.

- Ваше благородие! Доложите генералу. Пора уходить. Сейчас немецкие разьезды займут деревню, - шепчут около казаки. Они опытны в ночных делах и знают хорошо, что при отступлении немцы идут по пятам, и кавалерийские их разьезды через час после нашего ухода уже будут шнырять во все стороны по очищенной нами местности. Еду докладывать. В покинутом жителями доме в маленькой

17. Броневики.

комнате, должно быть, столовой начальника здешней почты, молча сидит, нагнувшись над картой и прихлебывая кофе, генерал - начальник отряда¹⁸. Невозмутимый швед, точный и неторопливый, суровый и твердый, как сталь. Докладываю, что войска ушли в путь, все отсталые прошли, им указана дорога, больше нет никого, огонь пулемётных автомобилей приближается к деревне и по указаниям казаков надо ждать появления неприятельских развозов.

- Хорошо. Благодарю вас. Не хотите-ли кофе, прапорщик? Франко, еще кофе.

Проворный генеральский вестовой Франко несет стакан чёрного кофе. Пью с наслаждением горячую влагу.

Опять молчание. Оно кажется бесконечным. Дремлю от усталости, сидя на стуле. Прошло еще минут двадцать.

- Ну, можно ехать, - сказал генерал, подымаясь.

В совершенной темноте, двумя группами, мы покинули К. Одной дорогой поехал начальник отряда со своим адъютантом, 2-3 офицерами и двумя десятками казаков, другою - командир артиллерийской бригады, с ним его адъютант, я и десять казаков.

Нам предстоял перегон верст 12-14. Сперва было темно, как в могиле, после моментами луна выплывала из-за рваных туч и освещала шоссе, где мы ехали под сводами старых вековых деревьев. Иногда в лунном свете мы видели неподвижные тела, простертые по сторонам дороги.

Сходили с коней, смотрели. Это отставшие солдаты: их на ходу сморила усталость, и они спали мёртвым сном, там, где свалились. Мы расталкиваем их, приказываем идти дальше.

18. Анатолий Николаевич Розеншильд фон Паулин (1860 — 1929) - русский военачальник, генерал-лейтенант Генштаба.

Вот кто-то стонет у дороги. Кто это? Спешиваемся, подходим. Наш солдатик с разожжённой ногой, - вместо ноги какие-то лохмотья. Непонятно, как он мог добрести сюда. Устраиваем его на какую-то случайно подъехавшую, тоже отставшую телефонную двуколку и едем дальше.

Меня клонит неодолимый сон. Чувствую, что спать нельзя, что крутом опасность, что надо ехать и все-таки сплю. Усилим воли заставляю себя открыть слипающиеся глаза и еду дальше.

И снова зеленые своды, и силуэты всадников, и лунные трепещущие облики, и вновь темнота.

Вот все куда-то отходит, уплывает. Яркий солнечный день... я у себя на даче играю в лаун-теннис. Летят мячи. Только мне лень отбивать удары. И откуда этот пронизывающий холод?

Я очнулся.

Светит луна, но под густыми ветвями деревьев полутьма. Лошадь дремлет, уткнувшись носом в дерево. Со мной никого. Я прислушиваюсь... Ни голов, ни звука копыт. В какую сторону ехать?.. Вынув компас, при лунном свете пытаюсь определить направление. Решаю, - направо. Скачу, как только может усталая лошадь. Версты через три вижу конных впереди. Это наш маленький отряд.

Догоняю. Едем в молчании. Кругом тишина. Еще полчаса, и копыта наших коней звонко застучали по вымытым дождем каменным плиточным мостовым.

Это покинутый жителями, разгромленный артиллерией мертвый город Пилькален¹⁹.

19. Название Пилькален (Pilkallen) имеет литовские корни и переводится как «крепостная гора».



V.

Странно и дивно зрелище, представшее глазу.

Перед нами была раскрыта наяву в жутком своем неправдоподобии страница из фантастического романа Уэллса с описанием европейского города, разрушенного во время войны между народами земли и, прилетавшими на тяжелых своих воздушных кораблях, обитателями Марса.

Крыши двухэтажных домов, сбитые на бок и скоробившиеся, как листы папиросной бумаги, отслоившиеся от каменной толщи балкона, еле держащиеся в воздухе, точно висящие на какой-то невидимой нити.

Высокие, прокопченные пожаром фасады, дико смотрящие безглазыми своими окнами и огромными, круглыми пробоинами от снарядов.

Дома, в которых рука злорадного волшебника вынула целую стену, обнаружив скрытый интим жилищ, - там ветер раскачивает люстры и стонет в струнах полуразбитого рояля.

Какие-то башни без верха, покосившиеся на бок и чудом стоящие под совершенно невероятным углом.

Или уже сбываются пророчества поэтов и близится время, когда дикие звери будут рыскать свободно по стогнам опустелых городов и некому будет развернуть пожелтелые в заброшенных хранилищах фолианты, накопленные мудростью столетий?

«Зубцами острыми подъемлются палаты,
Восходит дробный гул к небесной тишине,
Как будто древний зверь, огромный и косматый,
Вздыхает тягостно в тысячелетнем сне.

О, Город! Смерть тебе! В твоей бесстыдной власти
Ты обратил Мечту в рабу своих утех,

На ложе из огня ты в корчах сладострастии
Сплетаешь Красоту и дымно-черный Грех.

Ты плавяшь лаву душ в твоём проклятом горне,
Что смеют в тайных снах, свершаешь наяву,
И с каждым новым днем возносишь все упорней
Багровым заревом венчанную главу.

Гигант из сумрака, одетый багряницей,
Сотканной из сетей привычных чародейств,
Свободу сделал ты продажною блудницей
И Власть игралищем испытанных злодейств.

Как Бога, ты воздвиг чудовище машину,
И мир покорен ей, ярмо, как вол, влача.
Последней правдою ты выбрал гильотину,
Последним Судией — безумство палача.

О, Город! Будет день! И грянет облак серный,
И синих молний блеск расколёт небосклон.
И будет вопль, и стон, и ужас беспримерный,
И голос возгласит: «Ты пал, о, Вавилон!»

Так, город! Ты умрешь! И плющ завьёт палаты,
Сползет на улицы, где шум забав умолк,
И будут жить в тебе лишь коршун, гость крылатый,
Да пестрая змея, да страж развалин, волк.

И все ж люблю тебя томительной любовью,
Тебя кляня, твоей покорствую судьбе,
И слезы, и восторг, и боль, и славословья —
Я все отдам тебе».

Едем по безлюдным улицам, по опустелым площадям,
мимо бульваров, усыпанных опавшими листьями,
пробираемся между вывороченными плитами
и поваленными телеграфными столбами.

Город кончается. На окраине высокий трехэтажный дом с ярко освещенными окнами. Как странные признаки живой жизни на этом огромном залитом луною кладбище!

Подъезжаем ближе. Фонарь у подъезда освещает флаг с красным крестом. В подъезде караульный.

В этом доме госпиталь немецкого Красного Креста. За время, что весь край был в наших руках, туда добавилось несколько русских врачей, и теперь там лежат одинаково и русские и немецкие раненые.

Пока полковник разговаривает с врачами, а князь К. клюет носом на скамейке в коридоре, я и наш четвертый спутник отправляемся искать место для ночлега.

Луны не видно, - темнота и мелкий морозящий дождь. Бесплодно обходим несколько домов, - обугленные стены, в редких сохранившихся домах черные окна и запертые двери.

Наконец находим один, как будто обитаемый: через окно, когда приблизишь электрический фонарь, видна мебель в порядке и чистые половики. Входим в подъезд и звоним. Дома не открывает никто. Звоним еще: наконец, сквозь стеклянную дверь, освещаемую нашим фонарем, видим угрюмую заспанную толстую физиономию с усами.

Просим его через дверь пустить нас переночевать. Отказывает, ссылаясь на какое-то постановление местного магистрата. Как, в этом обширном мавзолей есть еще магистрат? Ну, Бог с ним! Не ломать же двери, машем рукой и уходим.

Вернувшись в госпиталь, рассказываю о неудачных поисках. Было два часа ночи, наши войска, уже расположившиеся под городом, выступают в 5 часов. Для нашего сна осталось не боле двух с половиной.

Доктора, немецкий и русский, посоветовавшись, предлагают нам ночевать в госпитале.

Нас проводят в свободную комнату, на полу ворох сена, на нем несколько мягких подушек, дают пару обширных одеял.

Немецкие сестры милосердия приносят кофе и бутерброды. Пока мы пьем, русский доктор рассказывает о здешних порядках.

Здесь в этом госпитале все сложилось на редкость задушевно и просто. Доктора и сестры (последние все немки) работают дружно и совестливо, не разделяя раненых на своих и чужих, - ухаживают одинаково за всеми.

- Здесь у нас нет врагов и друзей, есть только страдающие люди. С большой похвалой наш врач отзывался о немецких сестрах милосердия, работавших в госпитале.

Мне лично доводилось слышать и о противоположных случаях. Но к врагу надо быть справедливым еще более, чем к себе.

Будем надеяться, что, когда духовно опустившийся и одурманенный самомнением германизм будет сокрушен, немецкий народ найдет в себе источники внутреннего очищения.

В госпитале было все тихо, когда, проспав мертвым сном два часа, мы встали в половине пятого и в шестом часу еще в полутьме выступили из мёртвого города, затянутого сеткой мелкого дождя.

Еду рядом с моим четвертым ночным спутником, ядовитым, скептическим и сардоническим штабс-капитаном С. Он говорит, что у него в плече ревматизм, и оно ноет от дождя, а я дразню его, развертывая перед ним образы цветущей Италии и озарённого солнцем юга. Хорошо в жаркий безоблачный день,

в светлом костюме полулежать в глубоком плетеном кресле где-нибудь на Лидо, на веранде у моря, видеть блистательную синюю даль и потягивать через соломинку какой-нибудь сложный коктейль с явным преобладанием мандаринового ликера.

Мой собеседник отвечает добродушными колкостями на своей полупонятной скороговорке.

Но Лидо и мандариновый ликер далеко, вместо синей - сырая даль с огоньками разрывов, нас обоих одинаково пронизывает режущий ветер и свирепо поливает дождь. Миримся на этом и дружно съедаем плитку размякшего шоколаду и пару раскисших яблок, хранившихся у него в седельной сумке.

Будем живы, Италия не уйдет. Дорога все тянется... Сожженные селения, темные поля, брошенные старые окопы.

Переход был ничем не примечателен. Немцы несколько отстали, яростно борясь с русскими дорогами. Наше движение совершалось вполне спокойно.

Лишь у Немана²⁰ немцы нагнали наши последние отряды.

Остановив колонну в ожидании приказаний свыше, полковник послал меня съездить к обрыву и донести об обстановке.

Скачу к берегу напрямик, минуя какие-то строения и деревья, заслоняющие даль, и осаживаю лошадь у края обрыва.

Передо много, с огромной крутизны, точно со зрительной башни колоссальной панорамы, раскинулось видимое все сразу величественное и грозное зрелище боя.

Сходит вечер. Над рекой и над нашим берегом тучи, вдали по ту сторону ясная закатная полоса.

20. Во время Первой мировой войны город был занят с 23 августа по 12 сентября 1914 года русскими войсками. Расположен в 12 км от Тильзита и в 120 км к северо-востоку от Кёнигсберга на границе с Литвой.

Внизу в плоских песчаных берегах широкая водная лента с двумя узкими перемычками, понтонными мостами. По ту сторону с мелколесных холмов длинными колоннами спускаются к переправе наши войска. У вершины холмов отстреливается арьергард.

Над берегом вспыхивают огни и плывут белые облачки высоко разрывающихся немецких шрапнелей.

С высоты нашего берега, через реку и через головы отступающих войск, бьют неприятеля тяжёлый мортирный дивизион и одна батарея из соседнего нашего отряда. На громовой гам их выстрелов всякий раз секунд через двадцать отвечает глухая гамма от разрыва наших снарядов над немецкими войсками, и там, вдали, возникает правильная вереница их вспышек и белых дымков.

В мгновенные промежутки между рвущими землю ударами тяжёлых орудий слышно, как стучат за рекой, подобно цепям на гумне, беспокойные пулеметы и трещит хаотическими переливами ружейная перестройка. Вдали загораются пожары, и багровые клубы дыма восходят к небесам.

Наши войска с того берега вступают на мост и начинают переправу. С нашего берега по другому мосту быстро идет пехота. Это оставленный нашим отрядом полк идет на поддержку. За ними скоро тронулась артиллерия. Это наша третья батарея. Вот она переходит мост, сворачивает направо и начинает подниматься вдоль берега, извилиной меж холмами, чтобы занять укрытую позицию.

Я смотрел, как зачарованный. С моей горы бой открывался мне в своём декоративном, не затуманенном подробностями, почти отвлечённом величии, каким можно видеть его иногда на батальных полотнах старых мастеров.

Гляжу на часы. Надо спешить. Прошло уже немало времени. Скачу назад. Минуть через сорок догоняю отряд, которому велено продолжать путь, и присоединяюсь к полковнику.

Едем долго. Накрапывает дождь и вновь утихает. Небо в тучах. Темнеет. Берем из литовской деревни проводника. Ночлег назначен в маленьком селении. К нему ведут сплошь просёлочные лесные дороги, - без проводника пропадешь.

Едем с полковником и князем в авангард.

Лес, лес и лес... Ночь внезапно бросает на мир черные свои покровы. Не видно ничего. Слабые лучи карманных электрических фонарей, бессильные, жадно поглощаются обступившей чернотой. В неверном их озарении возникают на миг то голова лошади, то седые усы идущего у стремени проводника, то черная масса пехоты и зыбкие ее штыки.

Длинные лапчатые ветви задевают лицо и тело, точно чьи-то руки протягиваются и хватают, чтобы удержать.

Переходим вброд ручьи и лесные речки. Лошадь то карабкается вверх, то вдруг скользить ногами, куда-то спускаясь. Внизу журчит и хлюпает вода.

Кажется, мы все - волна, изливающаяся в черную пропасть, втягиваемая водоворотом в какой-то бесконечный, бездонный провал.

Лес кончается! Выходим на твердую землю. Наверху скорее чувствуется, чем видится небо. Движемся дальше. Под копытами коней наезженная дорога. Свет фонарей упирается в какие-то заборы.

Проводник, старый николаевский солдат, привел верно и на вопросы довольным голосом отвечает:

- Так, пане! Так, пане.

Через четверть часа мы в просторной литовской избе. Хозяин, тоже старый солдат, тащит яблок и молока. Ординарцы хлопчут о чае.

Засыпаю сладко в деревянной, похожей на ящик кровати, на свежем сене, покрывшись шинелью, с фуражкой под головой.

Когда на другой день я проснулся, был ясный солнечный день. Я вышел умыться. Голубое небо, легкий ветерок. Кругом шумит пробуждающейся бивак. Снуют солдаты. Кипят на кострах котелки. Приятное известие: к вечеру из обоза к нам вернуться денщики и вещи. Завтра утром у меня будет вдоль папирос, чистое белье и я буду бритым.

Еще несколько дней спокойного пути, непотревоженного неприятелем. Сравнительно недлинные, только дневные переходы. Литовские деревни с головоломными именами. Жареные куры. Спелые яблоки. Часовые привалы в поле, где так приятно раскинуть усталое тело на бурке и похлебать горячего супа, принесённого из солдатского котла, в кругу дружественных офицеров.

Третья батарея, оставленная у Немана, догнала нас через день вместе с бывшим с нею полком. Она принесла тяжелое известие. Не стало ее командира, капитана Г.

Этот милый, ласковый человек, задушевный, тонко интеллигентный, еще несколько дней перед тем долго говоривший со мною о любимой им музыке и о своих заграничных поездках, стоит передо мною как живой, со своей раздвоенной каштановой бородкой и кроткими глазами. Отправив батарею приказ стать на позицию, он ушел вперед искать наблюдательный пункт уверенно и неторопливо, как все, что он делал. Ушел, - и не вернулся.

Скоро было получено известие, что он тяжело ранен четырьмя пулями в грудь и отнесен на другой берег на перевязочный пункт одного из пехотных полков. Там он ночью скончался.

Бог примет его ласково в своем небесном чертоге, когда он придет туда с четырьмя кровавыми знаками на груди, и скромные, как он, полевые цветы будут каждое лето, где-нибудь на высоком берегу Немана, цвести на его безвестной могиле.

В день, когда дали были окутаны туманом, под проливным дождем, мокрые до последней нитки, мы въехали в большой русский укрепленный город²¹, где нашему отряду было суждено простоять на отдыхе целых двадцать дней.

21. Крепость Инстербург, где не раз бывал Иммануил Кант — в молодости он работал учителем в деревне Юдтшен (Judtschen) недалеко от Инстербурга.

VI.

Непривычно спокойная жизнь... Мирное, к лени располагающее сознание, что неприятель даже разъездами не подходит ближе двадцати пяти вёрст... Обеды в единственном не закрывшемся ресторане...

Хождение в единственный кинематограф с картинами пятилетней давности... Ставшая «военным клубом» кофейня со сладкими пирожками на сомнительном масле... Прогулки по надоевшей главной улице и покупка втридорога всякого хлама в маленьких еврейских магазинах... Унылые толки о том, что мы простоим здесь до самого конца войны²².

Потом внезапный приказ, и мы снова в пути.

Батареи уже двинуты с пехотными полками, частью по железной дороге, частью походом. Полковник К., наш командир, за день до приказа уехал на пять дней в служебную командировку, - ему послана телеграмма с известием о внезапном выступлении.

Князь К., его адъютант, и я, его ординарец, сопровождая временно командующего, выезжаем из крепости поездом, с последним эшеленом.

Поздней, ночью мы прибываем на большую станцию П., - дальше путь испорчен только что отступившими немцами. Ночевать будем в вагоне.

Я накинул шинель и вышел наружу.

Холодно. Темное небо. Звёзд не видно. На путях у станции красными змиями извивается факел, раздуваемый резким ветром.

Из тьмы выплывает станционное здание со следами разрушения.

22. В отеле «Дессауэр Хоф» (нем. Dessauer Hof) расположился штаб 1-й армии, которой командовал генерал Ренненкамф. 5 сентября 1914 года был проведен парад, но уже 11 сентября 1914 г. русские войска вынуждены были покинуть город под натиском 8-й немецкой армии.

У факела сгрудились черные тени. Подхожу ближе. Толпа солдат рассматривает белую рубашку тонкого полотна с большими пятнами крови. На ней метка с короной. Это рубашка князя Олега Константиновича²³.

Он тяжело ранен во время конной разведки, его привезли на станцию, сделали перевязку, и только что отправили, почти умирающего, дальше с доктором в особом вагоне. Вот коробка спичек из его кармана, насквозь пропитанная его кровью.

Говорят, ему не дотянуть до утра.

Солдаты режут на память куски рубашки.

Беру из коробки спичек одну окровавленную спичку, и прячу ее в бумажник.

Так просто: была белая, стала красная.

Я сохранию ее. Да, эта война - особенная.

Разъединенную Россию она сделала одним телом, и у этого тела одна кровь.

Утром узнали: здесь придется остаться весь день, двинемся только завтра.

Отправляемся вдвоем с дивизионным адъютантом, прапорщиком Н., посмотреть взорванный немцами железнодорожный мост. Двое солдатиков железнодорожного батальона охотно подвозят нас на дрезине.

23. Князь императорской крови Олег Константинович (1892 - 1914, Вильно) — правнук Николая I. Умер от раны, полученной в одном из сражений Первой мировой войны. 27 сентября (10 октября) 1914 года князь Олег, командовавший взводом в своём полку, был тяжело ранен близ деревни Пильвишки в районе Владиславова. Телеграмма штаба Верховного Главнокомандующего сообщала, что при следовании застав нашей передовой кавалерии были атакованы и уничтожены германские разъезды. Частью немцы были изрублены, частью взяты в плен. Первым доскакал до неприятеля и врубился в него корнет Его Высочество Князь Олег Константинович.

Однако в конце стычки один из раненых немецких кавалеристов, уже находясь на земле, выстрелил в князя и ранил его. 28 сентября (11 октября) он был доставлен в госпиталь в Вильно, где был прооперирован. В тот же день был награждён орденом святого Георгия IV степени «за мужество и храбрость, проявленные при атаке и уничтожении германских разведчиков, при чем Его Высочество первым доскакал до неприятеля» (Высочайший приказ от 29 сентября 1914 г.). Узнав об этом, князь сказал: Я так счастлив, так счастлив. Это нужно было. Это поднимет дух. В войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь Царского Дома.



Огромный железный мост одним концом рухнул в реку, другим еще держится, накренившись с каменных своих устоев. Это стройное сооружение выдержало и силу взрыва и силу падения.

Любуюсь на него долго. В этом поверженном металлическом колоссе с высокими ажурными боками есть одухотворенная красота, - наверное, кто-то задумал и вычертил его с любовью. Все созидаемое с любовью становится искусством.

Вспоминаю, как герой пьесы Федора Сологуба «Заложники жизни», молодой инженер, говорит возлюбленной о своем призвании строителя: «Очарование взоров повиснет на паутине стальных канатов. Мечту из железа и стали воздвигну над безднами, мечту о тебе, моя единственная»...

Назад едем на той же дрезине. У станции стройное пение. На одном из путей товарный вагон, открытый с одной стороны. В нем идет обедня.

Перед вагоном море стриженных солдатских затылков. Молодой священник, охваченный молитвенным восторгом, служить горячо и проникновенно. И когда, совершая бескровную жертву, под глухие удары далекой канонады, он возносить Святую чашу с Дарами, толпа разом опускается на колени, как нива, пригибаемая ветром.

«Ныне силы небесные с нами невидимо служат»...

Никогда я так ясно не чувствовал близости Бога. В этом простом вагоне, под этим сьрым небом, верую, совершается великое таинство. В воздухе над склоненной толпой, тихие, белоснежные вьют крылья, и в трепете закрывают лица многочислые херувимы, чуя присутствие Божие. И мнится, если бы дано было видеть слабому человеческому взору, то открылось бы ему, удивленному, как через мглу и туманы земли от этих бедных полей золотая протя-

нулась в сверкающие выси лестница и светлый по ней восходит юный витязь Олег и с ним вместе вы все, кровью венчанные, кровью венчанные за тебя, многострадальная, за тебя, многолюбимая родина! И скорбная Смерть в белых одеждах плачет у подножия, склонившись на свою косу, ибо жаль ей пожираемой ею жатвы.

Обедня кончилась. Я уйду в свой вагон и ложусь на жесткую деревянную скамейку. На душе спокойствие и ясность. Серая мгла заволакивает дали, слезы дождя текут по запотевшим окнам. Что в том? Там, в высоте, вечная сияет лазурь.

Рано утром в поход.

Ветер, дождь, унылое серое небо, разбитые дороги.

Надо торопиться. Там, вдали, за горизонтом гудит, не смолкая, канонада. Наши передовые части еще со вчерашнего дня в бою.

Разговору лениво влачится и замирает. Кони лоснятся под дождем. Сумрачно едет временно командующий, суровый подполковник П... Его подвижный, как ртуть, адъютант, торопливый и румяный прапорщик Н., постоянно занятый подсчетом, сколько он писем написал и сколько получил, сверх обыкновения, молчалив и лишь изредка говорить мне вполголоса:

- А там все стреляют.

Да, там все стреляют, и все наши мысли там, за этой непроницаемой завесой дождя. Надо спешить.

Скоро, скоро все стало ясным.

Нашему отряду выпала тяжелая задача. Он выдвинут на крайний правый фланг всего расположения. Против него крупная группа немецких войск... Если она собьёт его, враг проникнет вглубь и может ударить с боку и в тыл. Наш отряд должен принять

на себя и отразить этот первый грозный натиск.

Большая часть отряда впереди. Ее ведет генерал Х., воин уверенный, бесстрашный и смелый. Он сдержит эту лавину, чего бы это ни стоило.

Наших много меньше, чем немцев. Но тот, кто нападает, всегда, кажется, более сильным, чем тот, кто защищается. Таков закон войны. Лучше ударить самому на еще медленно ползущую лавину, нежели, опоздав, дать ей раскатиться, и после испытать на себе ее сокрушительный размах.

Вот почему генерал Х. не стал занимать сразу оборонительных позиций и на них ожидать вражеского нашествия.

Чтобы не дать неприятелю времени соразмерить свои силы с нашими, забрать в свои руки почин и раздавить нас своим численным превосходством, он быстро перешел через немецкую границу, ударил на врага, и, причиняя ему огромный урон, весь день бросал в атаку свои батальоны, поддерживаемые метким огнем наших батарей.

Только к вечеру неприятель оправился, и, почувяв свой перевес, стал наступать на наши небольшие силы.

Наши медленно, с боем, отходили к границе, отгрызаясь, как волки, от наседавших немцев. В арьергарде следовал Б-ий полк и вместе с ним вторая полубатарея нашей пятой батареи с ее командиром, капитаном Ф-о. Они должны были прикрыть переправу наших войск у русского пограничного городка В.

На это слабое прикрытие обрушился весь напор озлобленного дневными потерями противника. Медленно, шаг за шагом, отступали, отстреливаясь, батальоны Б-ого полка. С ним вместе отходила и полубатарея, несколько раз становясь на позиции и изрыгая шрапнельный дождь четырьмя стальными своими глотками.

В надвигающихся сумерках полчища немцев, как саранча, с трех сторон облегли наш небольшой отряд. Перекрестный огонь артиллерии, ружей и пулемётов бил по нашей полубатарее. Люди и лошади падали то и дело.

Но силен был дух ее храброго командира. Мощный, высокий, широкоплечий, с голосом ясным и громким, он был вылит из той же стали, что и его пушки.

Развернув свои четыре орудия, он пропахивал глубокие борозды в серых немецких массах, - и они отходили. Он появлялся то здесь, то там, не скрываясь, и могучая его фигура была видна повсюду.

В разгар боя капитан упал, тяжело раненый пулею в пах. Солдаты на руках отнесли его в дом ближайшей усадьбы, где находился командир Б-ого полка, князь М-ий. Там ему сделали перевязку. Весь в крови, то и дело лишаясь чувств, он просил князя принять от него и пересчитать бывшие при нем казенные деньги.

Было темно. Черное небо нависло, почти касаясь земли, и мрак, густой и зловещий, со всех сторон навалился на усадьбу.

За столом в небольшой комнате господского дома сидел, склонив голову на руку, недвижимый, как изваяние, князь М-ий. Порывы ветра через разбитое окно колебали огонёк свечи, и слабый ее свет испуганно метался по комнате, смутно рисуя в полутьме силуэты лежащих на соломе раненых.

Четырёхугольный двор перед домом, окруженный цепью усадебных сараев и конюшен, был еще пуст.

Снаружи, за линией построек, отбивались последние батальоны Б-ого полка.

Разноцветными ослепительными огнями загорались немецкие ракеты и тогда на минуту выступали из темноты и железная стена наших штыков

перед усадьбой, и неширокое, дальше свободное пространство, и за ним черные вражеские тучи.

Руководимые офицерами, наши роты с бешеным мужеством бросались в штыки, и черные ряды отступали назад, вновь поглощаемые мраком.

Свинцовый град сыпался на усадьбу.

Несколько раз князю доносили о ходе дела, спрашивая, не пора ли отступать. Он отвечал только безмолвным отрицательным жестом, и вновь продолжалось это феерически-безумное при свете бенгальских огней ночное побоище.

Неприятель, подобравшись сзади усадьбы, ворвался во двор. Во дворе зазвучали немецкие голоса. Часть наших немедленно бросилась туда и немцев вышибли штыками. Двор снова опустел.

Один из офицеров вновь пришел к командиру полка с докладом.

- Приказываю отступать. Идите.

Надо думать, сам князь хотел уйти последним.

Выйдя из дому, тот передал приказ. Отряд с уцелевшими офицерами начал отходить в темноте, штыками прокладывая себе дорогу, и немецкие волны, расступаясь на минуту, снова смыкались за ними.

Глубокою ночью люди наполовину поредевшего полка и нашей полубатарей присоединились к главным силам отряда. Внезапно запыхавший стог сена, зажженный ручной гранатой, долго озарял им путь.

Утомленный неприятель не посмел преследовать храбрых. Командира полка не досчитались среди уцелевших.

Несколько солдат, спасшихся чудом и к утру догнавших полк, рассказали, что в момент отступления немцы, снова обошедшие усадьбу, переполнили двор через проход между сараями, оттеснив бывшую там небольшую охрану. В темноте перед крыльцом

долго шла последняя отчаянная схватка. Геройская кучка защитников была перебита.

Немцы захватили дом с князем М. и множеством наших раненых.

В числе их остался и командир нашей пятой батареи капитан Ф-о.

Если он жив, после войны родина встретит его радостно. Если умер, земля будет легка ему, ибо он бился, как герой, и принял смертную чашу мужественно, как подобает воину.

Простри над ним, Господи, усопшим или живым, твой светлый, покров!

День занялся туманный и хмурый, уставший являть зрелище смерти. Змеино-желтые светы, тусклые и скупые, угрюмо озаряли окрестность.

Измученная земля с полями затоптанными, с грудью, изрытой гранатами, словно вспаханной циклопическими плугами, взывала о милосердии. Но люди не знали пощады.

К полудню бой гремел по всей линии.

Наши защищали В., немцы стремились овладеть им. Город пылал, и река, проходящая у города, и пенилась и кипела от взрывов бесчисленных снарядов, то мелкой морщижилась рябью от падающих пуль.

В этот день отличилась наша лихая первая батарея, покрывшая себя славой под К. в первом прусском походе, и с нею первая полубатарея пятой батареи. Батареей командовал штабс-капитан В-ий, полубатареей - капитан В-в.

Переправившись через реку вброд выше города и став неприятелю во фланг, наши батареи целый день громили немцев, не подпуская их вплотную к городку.

Как искусный игрок в теннис, движениями короткими и плавными, словно шутя, отбивает летящие к нему с разных сторон мячи, и они улетают об-

ратно, так он уверенно, точно и быстро перебрасывал огонь с места на место и ураганом своих шрапнелей сдувал с равнины то пехотные колонны, то орудия, то пулеметы, то зарядные ящики.

И куда падал посылаемый им огненный ливень, там неподвижные оставались груды и быстро убежали от них в стороны отдельные мелькающие точки.

Полубатарея пятой батареи не отставала от первой, и немецкая кровь щедро поила немецкую землю.

День уходил торопливо, закрывая лицо руками, и ранние над полями проливались сумерки.

Как свинцовые воды вечернего прилива, грозно ползущие по прибрежным дюнам, двинулись на наши батареи густые массы немецкой пехоты в черных мундирах. Казалось, этой стены не в силах сокрушить ничто.

Первая батарея ждала их в суровом молчании. Стена подступала все ближе и ближе.

Риск становился безумием.

Орудия грянули... Беглый огонь батареи, подержанный пулеметами пехоты, рвал, ломал, кромсал и месил немецкие ряды. Волны враждебного прилива отхлынули и растаяли во мгле. Атака была отбита.

Стала темно. Ночь-успокоительница черные свои завесы одну за другой опускала на землю, силясь укротить разгоравшуюся человеческую ярость.

Но ярость боролась с ночью, сверкающие в высоту кидала ракеты, переливалась разноцветными горючими составами, стремилась в небо багровые клубы пожаров, и проливаемая обильно кровь не в силах была их потушить.

Генерал Х. исполнил свою задачу.

Накопившаяся энергия немецкого натиска была раздроблена, не успев развернуться. Лавина была

разрыхлена при первом движении и стала на долгий ряд дней неспособна к стремительному наступлению. Но были еще грозны ее судорожные порывы.

В эту ночь бой вздымал свой девятый вал.

Наш отряд отходил на заранее намеченные оборонительные позиции, равняясь на соседний, и этот последний был тоже втянут в бой.

Меня, князя К. и временно командующего бригадой с его адъютантом эта ночь застала в обширном господском фольварке²⁴. Весь дом был переполнен народом. Мы прибыли после других, и выбирать было не из чего. На чердаке, на площадке у лестницы, наши ординарцы набросали в углу соломы, и ночлег был готов. Гремели буруны канонады, закипая все яростнее, и жалобно звенели от тяжелых ее ударов стекла в высоких окнах барского дома.

Мы спустились вниз, где бывшие здесь до нас офицеры из соседнего отряда собирались угостить нас чаем и бутербродами.

Я случайно разговорился с одним офицером о гипнотизме и о том, какие в этой области знания есть дали, еще ждущие своих Колумбов. Рассказал ему несколько любопытных опытов московского гипнотизера доктора Каптерева²⁵, на чьих интимных сеансах я одно время часто бывал.

Мой собеседник отвечал суждениями остроумными и интересными. Наши мысли ушли далеко от войны, и давно мне не говорилось так уютно и занимательно, как в этой слабо освещенной комнате, за

24. Фольварк (польск. folwark от диалектизма нем. Vorwerk) — мыза, усадьба, обособленное поселение, принадлежащее одному владельцу, помещичье хозяйство.

25. В 1909 году гипнолог П. В. Каптерев опубликовал книгу «Гипнотизм». Ученый пришел к выводу, что гипноз есть результат непосредственного воздействия живых клеток одного организма на живые клетки другого. Это воздействие является чисто клеточным, физико-химическим. Согласно Каптереву, суть гипноза заключается в своеобразном синтезе энергий живых клеток одного организма с энергиями живых клеток другого организма, а силу гипнотизера надо искать не в психологии его пациента, а в физиологии их обоих.

стаканом крепкого чая, в эту бурную ночь под громовые перекаты стрельбы.

Мы только что начали перекидывать мост от гипнотизма к медиумизму, как мои путники встали, чтобы идти наверх. Во всех углах комнаты, на диванах, на скамьях, на полу уже виднелись спящие.

Я решил сначала проведать ординарцев и, пробравшись осторожно через сени, где отдыхали вповалку с десятков казаков, недавно приехавших с разъезда, вышел на высокое каменное крыльцо.

Беззвездное небо целым океаном темноты низвергалось на землю. Буря металась исступлённо, воздымая свои черные одежды, и дико стонали охваченные трепетом старые каштаны господского парка. Колючие плети дождя звонко хлестали по окнам, стенам и крышам.

Но выше мрака, выше дождя и бури гигантские взад и вперед мирно качались по горизонту бело-огненные полосы немецких прожекторов, словно вращаемые ураганом раскаленные до бела крылья дьявольской мельницы, и далеко в высоту взлетали, многоцветными переливаясь огнями, извивные змеи ракет.

Вдруг погасали эти бредовые, тревожные светлы... Вновь заливала все чернота и слабыми в ней казались точками голубые лучистые звезды рвущихся шрапнелей.

Долгим гулом гудела земля, и впереди в темноте невидимые стальные жерла, задыхаясь и хрипя от злобы, слали небу свой вызов.

Светя себе маленьким электрическим фонарём и решительно ступая через целые потоки дождевой воды, я пробрался вдоль парка к дальнему сараю, где приютились с конями ординарцы. Коней велел не рассёдлывать, самим быть наготове.

Ординарцам дал папирос, они раздобыли себе картофелю и варили его в котелке, на костре из щепок, укрывшись за какой-то каменной стеной, чтобы огня не было видно неприятелю.

На обратном пути фонарь изменил и погас. Кое-как я дошел назад и поднялся на чердак. Мои спутники уже лежали на соломе. Лег и я, как и они, не раздаваясь, и в полном походном снаряжении, с фуражкой под головой.

Лежали молча.

- А там все стреляют... - прошептал мой сосед, неугомный прапорщик Н...

Канонада свирепела. Где-то вряд громоносные били молоты, и стены старого дома содрогались. Ветер бешено выл, кидаясь на крышу, хватаясь за трубы.

Точно стаи разъярённых духов затеяли над домом сатанинскую свалку. Люди сражались на земле, демоны над землею, стихия воздушная опьянилась злобой земной, и залпы орудий, и рычание бури слились в один непрерывный, нескончаемый, лютый, оглушительный, безумный, бушующий рев.

Хаос, древний владыка, вырвался из неведомых бездн, и струевым водопадом падал на мир, грозя поглотить его в стремительном своем кружении.

Было душно в темноте, и потолок казался нависшим, как гробовая крышка.

«И приходят ночи низкие,
Как упавший потолок.
Где же вы, родные, близкие?
Мир отпрянувший далек», -

пролетели в мозгу строки моего милого друга Бальмонта.

Усталость пересилила, и я заснул крепким сном. Ранним утром, когда я проснулся, все было тихо.

Мы сошли вниз. Наши случайные соседи снова напоили нас чаем. Но одного чая было мало, и я отправился на поиски чего-нибудь более существенного.

У местного управляющего, когда-то франтоватого пана, в рыжих потертых кожаных гетрах, который все еще ютился в своем домике, ухитрился я, потратив много красноречия, купить «ендыку», попросту индюшку, и попросил стоявших здесь солдат поджарить ее в походной кухне..

Жарилась «ендыка» очень долго, и воспользоваться ею - увы! - не пришлось.

Наши батареи, отойдя на ночь, к утру стали на позициях. Командующий торопился к ним.

День был серый; но безводный. Бледное небо равнодушно висело над землею, изнемогавшее от ночного безумства.

Мы ехали напрямик, через унылые холмы, изрытые ямами. Тучи воронья с криком поднимались с полей и летели на запад, все на запад, - они знали, зачем.

Переехали реку вброд, - сперва на середину, потом вдоль течения сажен сорок²⁶, потом крутой выезд на берег.

Вот мы в маленьком, но раскиданном литовском селении с бедным красным кирпичным костёлом.

Вблизи селения часть наших позиций и пехота.

Утомленный неприятель прочно задержался верстах в восьми, став на позициях у границы.

В одном из домов побольше много офицеров.

Знакомые лица. Приветствия. Разговоры.

- Убит... Ранен... Контужен...

Только что доставили двух немецких пленных,

26. 2,13 метра.

«бессмертных гусар»²⁷. Один «бессмертный» лежал на телеге. Он уже умирал. Нос заострился, и кровь, пробиваясь сквозь перевязку, текла на землю тонкой струёй. Телегу увезли. На жидкой грязи двора осталось широкое алое пятно, его скоро смесили тяжёлые сапоги.

Где-то в версте, отдельные выстрелы. Туда скакали казаки, - наверное это случайный, отбившийся немецкий разъезд.

Другого «бессмертного» допрашивал на кухне «Юрочка», прапорщик А., отлично говоривший по-немецки. Юрочка усиленно старался взять суровый тон, что вовсе не вязалось с добродушным его, широким, славянской лепки, лицом.

Белобрысый, невысокий «бессмертный», с серебряным черепом и костями на кивере (военный головной убор цилиндрической формы, с плоским верхом, с козырьком, часто с украшением в виде султана), испуганно тарачил глаза и, почтительно держа руки по швам, обстоятельно рапортовал на все вопросы.

К вечеру ездили на разведку для более точного выбора позиций батареям. Ехали маленьким отрядом человек в десять.

Низкие фиолетовые тучи лениво ползли по небу.

Один только миг солнце внезапно прорвалось из-за них, и кроваво-красный луч его побежал по полям. Но он тотчас угас.

27. Николай Гумилев служил в полку «черных гусар» 5-го Александрийского полка, шефом которого была Императрица Александра Федоровна, в годы Первой мировой войны, за отвагу в бою получил 2-й знак отличия военного ордена (Георгиевского креста). Сохранились военные письма (1914-1917 годы), по которым можно судить о тяготах военной жизни.

«Мы наступали, выбивали немцев из деревень, ходили в разъезды, я тоже проделывал всё это, но как во сне, то дрожа в ознобе, то стора в жару. Наконец, после одной ночи, в течение которой я, не выходя из халупы, совершил по крайней мере двадцать обходов и пятнадцать побегов из плена, я решил смерть температуру. Градусник показал 38,7».

Мы ночевали с командиром пехотного полка и его несколькими офицерами в душной крестьянской избе, на полу, на соломе, не раздаваясь, как в прошлую ночь.

Утром снова на коней. Едем на позиции батареей второго дивизиона.

К его командиру подполковнику Я-чу я давно уже питаю нежные чувства. В его батарее я отбывал в качестве прапорщика учебный сбор и запомнил навсегда его неизменное ко мне радушие и снисходительность к разным моим штатским слабостям.

Он угощает нас жареным гусем, - и это очень кстати. С того момента воспоминание об утраченной "ендыке" перестало меня преследовать.

Едем снова. Вот мы в фольварке, где остановились начальник дивизии и генерал Х.

Вхожу и вижу полковника К-ва, нашего командира бригады. Он вернулся из своей поездки и нынче догнал отряд.

Я страшно рад. Командир прибыл, - все хорошо.

На этих позициях по всем приметам придется постоять порядком. Еду вдвоём с конным вестовым отыскивать нам жилище.

Осматриваю маленькие разбросанные на полях рощицы с литовскими фольварками. Там занято, там тесно, и негде поместить лошадей, в третьем месте какая-то одинокая полусумасшедшая женщина смотрит на меня дико, не понимает по-русски и плачет.

Наконец нахожу. Через час мы с полковником К. и князем водворяемся в крестьянском фольварке.

Из обоза прибывает багаж. Мой верный неуклюжий денщик Костин, по обыкновению что-то ворча под нос, достает из чемодана папиросы и чистое белье.



VII.

Безлунная ночь... Ни звука, ни шелеста... Небо в драгоценных уборах. Мировой Океан тихие светы свои изливает на маленькую уснувшую землю.

Переливаясь, дрожит голубая Венера. Души влюблённых, познавших страсть и умерших любя, живут на этой волшебной планете. По цветущим ее лугам, среди вечной весны, едва касаясь влажных трав легкими своими стопами, скользят они, объятые блаженным томлением, сладостным и нежным восторгом, - светлые духи. И нет отравы в их поцелуях, ибо не знают они ни ревности, ни измены.

Вот бриллиантовая по небу проструилась река, Млечный Путь. И Большая медведица зажгла свой семисвечник. И тьмы звёзд, роса на небесных полях блистают в высоте.

Но дико и тревожно застыла на горизонте зловещая гостья комета, искристая и хвостатая. Багровые отблески дрожат в ее беспокойном сиянии.

Народная мудрость связывает комету с войной.

Странно, - но во время больших войн почти всегда появляется комета. Вот и десять лет назад была тоже комета, - говорит задумчиво полковник - в этом есть тайна, которой мы никогда не узнаем.

- Весь мир есть тайна, которой мы никогда не узнаем, господин полковник.

Мы смотрим на комету. В самом деле, какая сила привлекла эту роковую странницу из далеких межпланетных просторов? И почему именно теперь?..

- Какая радость видеть звёзды. Ничто так не очищает душу. Через них чувствуешь Вечность. И хочется самому стать достойным Вечности.

- Вы правы, не те ли же звезды светили воинам Александра, Цезаря, Аттилы и Наполеона. Они

умерли, как умрем и мы. Но человечество не умрет.

Этот ночной разговор происходил между полковником К., его адъютантом князем К., одним молодым офицером и мною, в начале второго похода в Восточную Пруссию, в глухой Литве²⁸, на обширном дворе крестьянского фольварка, в нескольких верстах от неприятеля.

После упорного двухдневного боя под городом В., где грозная сила немецкого натиска была раздроблена неожиданным ударом нашего отряда, мы стояли в Литве, в немногих верстах от границы на линии укрепленных позиций.

Немцы видимо, не решаясь перейти в наступление, сильно укрепились вдоль границы. Война как будто принимала позиционный характер.

Сосредоточенно-упорные артиллерийские поединки, перестрелки между разъездами и сторожевыми заставами, смелые разведки по ночам или в сумерках куда-нибудь под самый В., чтобы наделать у немцев переполоху и вытащить у них из-под носу десяток-другой пленных.

Решительного боя не было.

Война, стремительная и гневная, вдруг показала нам какую-то совсем особенную размеренную, плавную, неторопливую свою поступь.

Каждый день гремели орудия и долгим гулом гудела земля от ударов тяжелой артиллерии, и тут же рядом пробивался и рос, как трава между камнями уездной мостовой, какой-то своеобразный, наскоро сколоченный, но странно устойчивый быт.

Заботились о «хозяйстве», посылали куда-то за яблоками, - немцы, бывшие перед нами, оставили их очень мало, - укоряли обладателя нашего фоль-

28. Наревская (Самсоновская) операция, составляя второй этап похода русских на Восточную Пруссию, началась и развивалась при оптимистическом настроении русского верховного и фронтового командований и разразилась неожиданной катастрофой.

варка, старого плутоватого литвина, за его вечные попытки нажиться за счет цен на картофель и птицу.

- Пан, а пан! (На военном жаргоне все здесь «паны»!) Ты Бога побойся. Разве можно с солдата за котелок картофелю по тридцати копеек драть? Ведь это за пуд-то сколько выходит? Вроде трех рублей?..

Но упрямый кудлатый «пан» только сурово мотал головою.

Он местный староста, «солтыс²⁹», и упреками его не проймешь. На нас он смотрит неприветливо. Так же неприветливы и две его дочери, нескладные, словно топором из дерева вырубленные молодые крестьянки.

Пограничные жители - совсем особенная порода. Тысячами нитей они переплетены с тем, что по ту сторону, - здесь много семейств немецких и полунемецких, и по стенам их фольварков часто видишь фотографии молодцов в такой военной форме, какой не встретишь в русской армии.

Благодаря близости границы, шпионство здесь процветает. Около позиции ветряные мельницы пришлось уничтожить, либо снять у них крылья, - очень уж подозрительно они начинали махать, когда по соседству располагалась наша батарея или начинали рыть пехотный окоп.

Дом, где мы живем, - длинное, неказистое, приземистое здание. Одну половину занимаем мы с князем и полковником, другую - наши случайные соседи, четверо офицеров. В середине - кухня и комнаты хозяев. Перед домом - большой четырехугольный двор, окруженный цепью сараев, конюшен, сенников и кладовых, где разместился эскадрон и наши ординарцы с конями.

29. Задачами солтысы были управление своим селом и сбор налогов для короля. Должность солтысы может быть сравнена с должностью мэра города или председателя сельсовета.

Днем едешь с командиром на позиции или без него исполнять какие-нибудь его поручения, захватив с собой конного ординарца. Обед и ужин - у начальника отряда, в другом фольварке, за версту от нашего, - там общий стол. После ужина спешим домой.

У каждого человека есть потребность в доме, в каком-то месте, где бываешь у себя. Война сжигает все привычки, ломает все уклады, но чувство дома не исчезает и на войне. На войне все бездомны и все скитальцы, но мысль о доме неистребима и, как цепкий плющ, обвивается вокруг любого дерева.

На войне мой дом там, где мои вещи.

В палатке, в случайной лачуге, на чердаке, в землянке, в пустой школе, в вагоне, везде, где угодно, если мой денщик Костин раскинет мой неуклюжий брезентовый «Демент», нелепую кровать-чемодан, и рядом поставит саквояж с множеством маленьких нужных мне предметов, у меня будет дом, и я буду входить туда с особым чувством.

Наш дом - довольно просторная низкая горница с небольшими окнами и потолком на тяжелых дубовых перекладинах. Сбоку выступает огромная темная печь. В углу высокая прялка с куделью.

Вечер... Мы дома, пьем чай...

На дворе холодно, но горница натоплена на совесть. У нас гости, наши соседи. Вьется дым папирос.

Нескончаемые рассказы. У каждого есть свое. Много ли месяцев за спиной, а какой груз пережитого! Наши соседи попали на войну одни из первых. Еще в самом начале они вступили в Восточную Пруссию и проделали без отдыха весь первый прусский поход, кружась впереди главных сил, проникая между отдельными отрядами неприятеля, забираясь в такие края, которые немцы по справедливости еще могли называть своими.

Один полуэскадрон попал слишком далеко и оказался отрезанным. Двадцать дней горсть храбров блуждала по неприятельской стране среди движущихся немецких масс, предпочитая гибель сдаче. Двигались по ночам. Голодали. Днями укрывались в лесах, в оврагах, в болотах. Много раз смотрели смерти в глаза и ускользали только чудом. Огненное кольцо облавы сжималось вокруг них и в нем они метались, как преследуемые волки.

Слава тебе, царственный Случай, друг и хранитель смелых!

«Чредою привычно-тягучей
Уносятся дни и года,
Лишь ты ослепительный Случай,
Приходишь, неожиданный всегда.

Ты полные жизнью вагоны
Кидаешь, шутя, под уклон,
Разумному ставишь препоны,
Безумцу даришь миллион.
Два сердца, рожденных друг другу,
Заставишь друг друга найти,
Иль тигру дашь лебедь-подругу,
Связав их на веки в пути.

Ты в битве ведешь, беззаботный,
Меж тысяч грозящих смертей,
Чтоб пулей настигнуть залетной
У мирных бивачных огней.

Взростишь ты на ниве насилий
Восстанья пылающий мак,
Поверх коронованных лилий
Повесишь фригийский колпак.

Ты губишь за женщину Трою,
Ты учишь, что смелый лишь прав,
Ты правишь ребячьей пращой,
Которой сражен Голиаф.

Ты валишь соломинкой троны,
Твоя безраздумна игра,
И рубит стальные законы
Удар твоего топора.

Все в мире – согласность созвучий,
Все в мире – размеренный ход.
Да славится царственный Случай.
Что к славе иль к смерти ведет!».

Случай, убивающий одного шальнойю пулей, вывел их всех невредимыми из-под града намеренных. После долгих скитаний им удалось прорваться к своим.

Рассказывали еще о знаменитой атаке эскадрона барона В<рангел>я на немецкую батарею в битве под Каушеном, в конном строю³⁰.

Зрелище было беспримерное... Лихие, все молодцы на подбор, на великолепных конях своих, под бурей шрапнелей, в развернутом строю, бешеным карьером мчались на батарею. Огненный ветер бушевал над их головами. Половина была сметена,

30. Бой при Каушене стал первой громкой победой русского оружия в Первой мировой войне, и, к несчастью, одной из немногих. Петр Врангель, получивший приказ атаковать своим эскадроном Каушен, прекрасно знал академические утверждения о невозможности конной победы над палящими напрямую пехотинцами и артиллеристами. Эскадрон пошел в атаку в самый дым и ад батареи Каушена. Барон повел свой эскадрон по касательной, используя местный ландшафт для кратковременных передышек. Немцы не успевали менять прицел. Обливающегося кровью от картечных ран коня Врангеля убили под ним уже около вражеских траншей. Барон вскочил на ноги и кинулся с саблей к батарее. Остатки врангелевского эскадрона дрались на немецких позициях врукопашную. В ход пошли штыки и сапоги. От неожиданности немцы вынуждены были бежать, бросая орудия и батарею.

другая доскакала. Немецкие артиллеристы изрублены, все в эскадроне офицеры, кроме самого В. перебиты. Тот, кто рассказывал, вскоре после атаки, когда немецкие войска уже отступили, был на этой батарее. Незабываемая картина. Стоят в полном порядке блестящие новизной немецкие орудия. Груды тел. Полная тишина. Ни стоны. Раненых нет, есть только убитые.

Ручей, протекавший неподалеку, был запружен трупами, и струи его были красны от крови, вместо воды текла кровавая похлебка. Здесь погибло пехотное прикрытие немецкой батареи, при виде атаки оно отступило за батарею и там в свой черед было настигнуто.

Этой атаки немцы не забыли.

Соседи ушли. Пора ложиться спать.

Оконные стекла позванивают трепетно. К ночи канонада разыгралась. Звонкие, отчетливые ритмы артиллерийских очередей и глухие грома разрывов... Но привычка великое дело. На каждый час не набережешься. Мы раздеваемся, как следует, и спокойно укладываемся в свои походные постели.

Огонь еще не потушен. Князь за столом пишет письмо. Мне хочется выкурить еще папиросу в постели. Лежу на правом боку.

Как странно! Почему все то, что я вижу, вдруг кажется мне так непонятно знакомым, точно я видел это давно? Я напрягаю память, стараясь уловить смутно мелькающие образы.

В чем тут дело?

Тяжелый дубовый стол. За ним стена с низкими почти квадратными окнами. Вдоль стены дубовая скамья. Наверху массивные темные балки потолка. Большая печь. Где я видел все это?



Канонада разом смолкла. За печкой отчетливо запел сверчок.

Сверчок! Ускользящее воспоминание сразу осветилось. Ведь это «Борис Годунов», сцена в пограничной литовской корчме, в постановке московского Художественного театра!

Вот сейчас распахнется низкая дверь налево, и войдут московские стражи. Самозванец встанет и будет, озираясь, осторожно близиться к окну. Потом распахнет его и выпрыгнет в темноту.

Дверь открывается. Сидящий за столом встает... Не сон ли это?..

Но нет, в двери появляется мой денщик Костин и мрачно спрашивает, надо ли сушить мои сапоги. Князь у стола, зевая, заклеивает письмо. Сообщаю ему и полковнику свои соображения. Оба смеются, но оба согласны.

Наше жилище - действительно, «постановка по-Станиславскому».

Свеча затушена. Все уснули. В горнице полная тьма. Ставни еще с вечера заперты наглухо, чтобы снаружи не было видно света.

Полуночный ветер кружится над маленьким затерянным фольварком и нечеловеческим своим голосом рассказывает о чем-то древнем, забытом, но важном и единственно нужном.

И в медленном кружении проносятся бледные лица с зовущими глазами. Кто вы, незнакомые, и о чем вы умоляете, молча?

Вы ли это, тихо вставшие из старых гробниц своих тайные укоруы о том, что видимо мне одному?

Уйдите, покойтесь в своем склепе. Жизнь свою я прожил, как хотел. Ни в чем я не раскаиваюсь и ни о чем не жалею.

Или вы, тени несбывшихся надежд моих, замыслов невоплощённых, что хотел и имел силы свершить и не свершил? О, не смотрите так горестно. Не отгремели еще золотые струны моей молодости.

Спадут воды мирового потопа, еще краше воскреснут обновленный поля, еще выше встанут горные хребты: Новый мир будет царством строителей и смелых. На омытых пеною высотах и я построю мой дворец. Если же завтра погибну, умрете со мною и вы...

Уходят, расплываются лица. Засыпаю спокойно и сладко. Завтра рано вставать.

Утром пьем чай торопливо. Нам с полковником ехать в местечко В-и, верст за пятнадцать отсюда. На днях еще там были немцы. Теперь они отброшены к границе, и местечко в наших руках.

Ординарцы у крыльца держат осёдланных лошадей. Через полчаса выезжаем. День бессолнечный, ясный и усталый. Дали бледны, но не занавешены туманом.

Едем скоро. За нами двое ординарцев.

У маленького селения пересекаем реку длинным бродом. Прежде чем выехать на берег, приходится долго пробираться против течения серединой реки.

Вода бурлит и пенится, рассекаемая сильными конскими ногами. Кони фыркают.

Подымаемся на высокий берег и углубляемся в лес. Тихо в лесу... Осина и клен... На деревьях догорает багрянец, последние осенние червонцы. Это твое единственное золото, бедная, скудная, истоптанная Литва!

Редет лес. У опушки фольварк. Наш путь идет мимо. Что за чудо? У самой дороги стройная молодая дама, в изящном дорожном костюме. Спрашиваем, как она очутилась здесь, в районе позиций.

Она - помещица. У неё хорошее имение и два фольварка, - один этот, другой в трех верстах, с большим домом. Приехала из Варшавы посмотреть, что уцелело после немецкого нашествия, и ликвидировать, что возможно, из скота, сена и хозяйственных запасов.

Дом цел - увы! - пустой, ликвидировать нечего.

Все, что можно, «ликвидировали» уже давно. Завтра она уезжает назад.

Несколько любезных слов, и мы едем дальше. Надо думать, у этой дамы остались еще кое-какие «запасы» в Варшаве. Она вовсе не кажется слишком опечаленной и на прощанье не забыла раза два стрельнуть нам глазами.

Едем однообразными невысокими холмами. По сторонам небольшая рощицы с фольварками, очень похожими издали друг на друга. Из-за этого очень трудно запомнить дорогу. Но с полковником не собьёшься, он обладает искусством читать местность по карте, как книгу, и мы едем без дорог, напрямик, пока не выбираемся на большое шоссе.

Подымается пронзительный ветер. Холодно, сдавлено и глухо охают орудия. Шоссе не разбитое, и мы двигаемся крупной рысью.

Справа и слева следы недавних боев. Вот брошенные окопы... Вот перевернутая повозка без колес... Ранцы... Труп лошади с оторванными снарядами задними ногами. Свежие могилы.

Пересекаем железную дорогу. Сожженная станция. Закоптелые разрушенные стены. Она и теперь в пределах обстрела. Путь восстановлен, но поезду приходится останавливаться версты за три.

Еще четверть часа по шоссе, и мы в В-ах.

Едем по непролазной грязи улиц. На каждом шагу солдаты. В дворах военные повозки. То и дело видишь выбитые оконные стекла, - немцы хозяйни-

чали здесь около двух недель. В домах пробоины от снарядов, - немцев отсюда вышибали артиллерией... Многие дома пусты, но беднота уже вернулась (или, быть может, не выезжала), и мелкие еврейские лавчонки на площади уже торгуют каким-то хламом.

Евреи с классическими пейсами и суетливые еврейки бегают по улицам торопливо. Сегодня они все настроены особенно нервически. Утром в местечко упало несколько тяжелых немецких снарядов. Один пробил крышу заводского сарая, где находился огромный бак с керосином, - чуть не вышло большого пожара. Полковнику надо зайти в штаб. Лицо, которое он ищет, будет лишь через час, и мы решаем отправиться в церковь.

Небольшой тесный храм с розовыми стенами переполнен народом. Толпа сплошь военная. Поет солдатский хор, иногда ему вторят все, и сотни сильных голосов возносят молитву под невысокий купол. Серая масса молится сосредоточенно. То и дело мелькают передаваемые через головы тоненькие солдатские свечки. Много офицеров в полном снаряжении, - видимо, приехали прямо с позиций.

Голубой кафельный дым тихо плывет под сводами. Много ли из стоящих здесь услышат святые слова еще раз!

Ты видишь, Господи! Твоею рукою не раз выводилась из испытаний наша родина. И ныне ради великого дела не жалеет она своих сынов. Боже, храни Россию на державных путях ее!

Обедня кончилась. Торопливо крестясь, солдаты выходят из церкви. Выходим и мы.

Полковник быстро кончает свои дела. Теперь мы свободны. К нам присоединяется еще командир парковой бригады храбрый капитан Б., с лихо закрученными усами и гремящим баритоном.

Все мы голодны. Начинаем искать чего-нибудь подходящего. Увы! на этот счет в городке более чем слабо. Однако находим единственную уцелевшую колбасную. Весь товар распродан с утра, но после моих долгих уговоров хозяин извлекает из каких-то недр основательный кусок зельца.

Таким же путем полковнику удастся раздобыть в единственной булочной последний белый хлеб. Молоденькая еврейка с черными миндалевидными глазами припрятала его для кого-то другого, но, не устояв перед полковничьим красноречием и умением «мувить по-польску», уступает его нам.

Теперь мы богаты. В какой-то проходной каморке нам налаживают чай. Одна беда, - немцы забрали в городе весь сахар. Сахару нет ни у кого. Меня осеняет мысль. Не может быть еврейского городка без аптекарского магазина. Точно, один уцелел, - он как раз рядом.

Иду и спрашиваю ячменного сахару от кашля. Такого нет. «Проше пана. А може пану тшеба канадского цукеру?»

Ячменного нет, а есть канадский, от грудных болезней. Канадский, так канадский!

Напились чаю, поели. Пора ехать. День короткий. Надо быть дома засветло, иначе среди этих однообразных фольварков проплутаешь сколько угодно, и карта не поможет.

Назад едем опять напрямик, еще боле коротким путем. Тихо, орудий не слышно.

Проезжаем мимо какого-то перелеска.

Вдруг грохот выстрела, долгий вой снаряда - и тяжелый удар взрыва неподалеку за нами, в кустах.

Мы были так удивлены этой неожиданностью, что невольно остановились и долго смотрели в ту сторону, ожидая, что будет дальше.

Кто стреляет? По ком стреляют?

Но продолжения не было, и мы тронулись своей дорогой. После мы узнали, что место у этого перелеска хорошо видно немцам с их наблюдательного пункта на колокольне, и они редко отказывают себе в удовольствии пустить снаряд-другой по всякому, кто здесь едет.

Вечереет. Мы торопим коней. Вот овраг с высоким склоном, солдаты роют окопы.

- Бог помощь, братцы, - кричит полковник.

- Покорно благодарим, - гудят в ответ голоса.

Едем сумеречным лесом. Опять брод и сизые его волны. Кони карьером выносят нас на крутой берег.

Совсем темно, когда мы въезжаем во двор нашего фольварка. Вечером дома. Прозябли порядком. Хорошо выпить чаю с ромом. Князь показывает письмо, снятое с убитого немецкого унтер-офицера. Он написал его жене, но не успел отправить.

«Санитарная часть у нас, не дай Господи, как плоха: штабной врач, - доктор по женским болезням, младшему врачу всего двадцать лет. Инженерная повозка служит теперь лазаретной, да и та больше 12 дней далеко от нас, в Гумбинени. Впрочем, болеть все равно нельзя. Наш подполковник Пилиц очень строгий. Он заявил, что всякого, кто заявит себя больным, он пошлёт в окопы без смены. Можешь себе представить, как у нас все здоровы. Пилиц часто ругает нас сволочью и свиным обществом (перевод буквальный). Настроение у нас скверное. Ах, хоть бы это все кончилось».

Из-за строк этого письма, которого так и не получила бедная Берта, ясно вижу типично прусский

облик строгого подполковника Пилица. Он толстый, налитый пивом, с сизым носом, торчащими под кайзера усами и тупыми глазами на выкате. Так и слышу его хриплый голос, ругающий солдат «свиным обществом».

Узнаю ее, знаменитую прусскую дисциплину. У нас офицера любят, а там боятся. Быть может, и мыслимо управлять солдатами страхом и палкой, но в каждой душе есть точка, за которой палка не поможет. И в час последних испытаний, когда надо совершить невозможное, солдат пойдет умирать за тем, кого любит, а не за тем, кого боится.

Перед сном выхожу на крыльцо. Гремит канонада. Кто-то незримый и веселый, смеясь над вечером и ночью, катает по горизонту исполинские кегли. Они грохочут, раскатисто сталкиваются, падают, им вторит, отдаваясь, эхо, и вся окрестность опоясана слитным, долгим, однозвучным гулом.

Большой пожар залил заревом небо, и по темно-багровому его лону зыблются белыми перебоями волны немецких прожекторов.

Пора и ко сну. Улегшись, долго слышу сквозь сон, как жалобно и тревожно мычат коровы и негромко подвывает под окном пес.

Утро, солнце и ветер... Облака белые, крупные, быстро бегущие... Солнце то выплывает, то снова скрывается, и стремительно несется по полям золотая его полоса, настигаемая тенью.

Сегодня с утра крылит над нами немецкий аэроплан, высматривает расположение позиции.

Нынче он летает медленно, и с трудом борется с ветром, то взмываясь в облака, то спускаясь совсем низко. Минутами его видно совершенно отчетливо, и гнусавое жужжание пропеллера резко и назойливо сверлит слух.

Вот он двинулся в сторону и чертит круги, вот застыл неподвижно. Так коршун кружится над добычей, и замирает перед тем, как ринуться на нее. Тумм! Тумм! Тумм! Один за другим доносятся взрывы. Проклятый коршун! Он кидает бомбы. Только при таком ветре ему не нацелиться, как следует.

Немецкий коршун уносится и пропадает из виду. Приходит известие: в наши батареи он бросил несколько бомб, но потерь, к счастью, не было.

Так проходят дни, один за другим, различные и вместе похожие, как вереницы монахов. Вот и наш фольварк с «постановкой по Станиславскому» остался позади, мы передвинулись по фронту верст на семь левей и живем в господском имении, в маленьком домике управляющего.

В главном доме поместился начальник отряда со своими офицерами, - там мы обедаем и ужинаем за длинным столом, вокруг которого, за отсутствием стульев, расставлены новенькие белые бочонки.

Но жизнь все та же. Поездки на позиции, унылые поля, изрытые окопами, трупы лошадей по дорогам, перед окнами широкий двор с прудом, за ним старые оголенные каштаны, вечером глухо запертые ставни, гул канонады и тихое подрагивание стекол.

У меня новый конь, вороной, его зовут “Четверг”, но я переименовал его в “Чорта”, - он крупный, сильный, неумолимый, сердито косит глазом и водит ушами, когда на него садишься.

Теперь война приучила меня быть подряд сколько угодно часов в седле, и мне странно вспомнить, что я когда-то уставал и от одного часа, как странно подумать, что я мог когда-то носить франтовское английское пальто и лаковые ботинки, а не эти высокие сапоги со шпорами и грубую солдатскую ши-

нель, туго подтянутую широким ремнем с шашкой и пристёгнутым к ней витым хлыстом.

Театры, литературные диспуты, мои многолюдные воскресные сборища, стихи Игоря Северянина и альманахи Грифа, я все помню отлично, я не потерял вкус ни к чему, но вся эта жизнь кажется далекой, как сон, отделенный от меня непереплываемым океаном. Кажется, век мне ехать куда-то по неизвестным дорогам на вороном коне, и будут только случайные ночлеги, холмы, изрытые поля, короткие дни, да стаи ворон, да висящий над всем, ночью и днем, пушечный гул. Так было, так будет всегда, всегда.

Однажды мы с полковником и князем возвращались с объезда позиций. Вечер был ясный, и небо пламенело тихо. Над лесом, на розовеющей полосе, белым блеском вспыхивали шрапнели и уплывали, тая медлительно, их правильные, круглые дымы.

Ехали и знали, что завтра будет то же, что нынче и вчера.

Дома нас встретило неожиданное известие. Завтра отряд уходит куда-то к югу. Предстоит длинный, на несколько дней, фланговый марш вдоль боевой линии. Нас же сменяют соседи.

Быстрые сборы. Все уложено с вечера. Ранним утром мы выступаем.

Привстав на седле, в последней раз оглядываюсь на старые безлиственные каштаны.

Бедный, затопанный, заезженный колесами парк! Не грусти. Ты долговечнее нас. Придет и твое время. Ты отдохнешь, одетый молодой листвой, и по твоим аллеям будут снова резвиться дети и гулять в душистые сумерки стройные панны в белых одеждах...

Придет ли и для нас весна?



VIII.

Глухая пограничная Литва... Ясным холодным утром семеро всадников выехали из ворот господского фольварка, мимо старых каштанов уже облетавшего парка и, миновав ближайший перекресток, углубились в мелкоколесье.

Это были полковник К., его адъютант князь К., я и четверо наших ординарцев.

Всему отряду было приказано переместиться на другую часть фронта, значительно южнее. Предстояло совершить вдоль боевой линии фланговый марш, одно из самых трудных передвижений. Путь предвиделся трудный, - надо думать, на несколько дней.

Район ночлега назначен. Батареи подтянутся туда с полками еще засветло. Нам надо заехать в местечко В. Это займет часа полтора, - поэтому мы едем вперед.

Побывав в местечке, едем сперва дорогою, потом сворачиваем напрямиком, по карте.

У одной маленькой деревни встречаем команду управления бригады. Тут же несколько повозок с огромными деревянными ящиками. В них только прибывшие из Москвы подарки для солдат.

Все это - хлопоты наших жен. Старались, бегали, покупали, упрашивали, собирали.

При нас тут же в поле раскупоривают ящики. Солдаты окружили их любопытной толпой.

В этих больших белых ящиках привезли радость. Там, дома, думают, заботятся, помнят...

Какие богатства! Горы фуфаяк, теплых шлемов, наушников, варежек. Какие-то китайские ватные куртки. Сахар, соль, любезная солдатскому сердцу махорка. Пуда два шоколаду.

Вместе с полковником делим все это поровну на батарею. К вечеру все уже будет роздано по рукам.

Есть посылка и для нас троих. Самое главное полушубки, - им рады до крайности. Но есть и много других приятных вещей. Отправляя, помнили обо всем, как можно только помнить любя. Целуем мысленно милые руки.

Пора ехать, но жалко оставить все это в обозе.

Надеваем на себя полушубки, забираем, что можно на руки, нагружаем свертками ординарцев и двигаемся дальше.

Через час мы уже в деревне, где остановился начальник дивизии. Издали видно, как его флаг бьется на ветру у дороги. Здесь же наша повозка с денщиками, сдаем им все привезенное с собой.

Пока полковник беседует с генералом, мы с князем быстро подыскиваем для ночлега подходящую «халупу». Находим, располагаемся и идем за полковником.

Брр... К вечеру ударил морозь. Хорошо будет вернуться в халупу, выпить чаю с конфетками из Москвы и залечь спать в тепле.

Увы! Мечты о ночлеге надо оставить. Приказано совершить ночной форсированный марш. Наш полковник назначен начальником отряда. Через час, как только стемнеет, мы выступаем.

Ночной переход будет немалый. Собыешься с дороги, попадешь к немцам. Мы взяли себе проводника, молодого литвина. Идти ночью за 25 верст небольшая радость, да и немцы близко. Потому испуганный проводник в последнюю минуту исчезает. Но его все-таки находят, и суровый окрик полковника вместе с обещанием приличной награды быстро возвращают ему утраченное душевное равновесие.

Вот мы и за околицей. Обгоняем тёмные колонны. Как звенья бесконечной цепи, тянутся наши орудия. Сливаясь во мгле, уходят сплошные массы пехоты.

Кажется, через пустынные равнины течет какая-то молчаливая река, течет, уплывает неведомо куда, скользя в неизвестность.

Вот мы уже в голове отряда. Едем шагом, сбоку идет наш боязливый проводник, которого мы не отпускаем от себя ни на шаг.

Курить нельзя. Только позволь, и по всей колоний запляшут огоньки, - со стороны неприятеля это может быть очень заметно.

Немного светлеет. Двурогий месяц сквозь завесу поредевших облаков льет свету неверные и зыбкие. Предметы стираются, растворяются, расплываются в этой обманчивой полупрозрачной стихии, словно насмешливый волшебник украл у вещей их тени и совлек, как ветхую одежду, самые очертания.

Ширится мутное лунное море. Все - марево, все - призрак, все - дым.

И, кажется, мы сами только сонмище ночных видений, беспокойных духов, скользящих над землей, чтобы рассеяться при первом крике петуха.

Вдали загораются белые огни, тонкие и длинные.

Хочется сохранить очарование.

Пусть другие думают, что это - немецкие ракеты. Я знаю, за этим мглисто-лунным пределом, печальным и зловещим, зияет немою своею пастью вход в преисподнюю. Там, у суровых врат, иссеченных из базальта, змеятся мгновенными зигзагами, то вспыхивая, то погасая, черные адские свечи. К этим широко раскрытым вратам мы стремимся, в них втечет и наша река, чтобы исчезнуть навсегда.

Глухие тяжелые удары справа. Звук их слишком знакомь. Жестокая явь сменяет ночную сказку.

Подходим к обширному покинутому фольварку.

Проводник говорит, что хозяева, немецкие колонисты, скрылись вместе с отступавшими немецкими войсками. Дорога проходить среди многочисленных каменных строений. Подъем трудный и грязный. Будет задержка. Мы с князем слезаем с коней. Вот место, где можно отлично покурить.

Вот и фольварк позади. Снова поля, внезапно выплывающие из мглы придорожные ветлы и темный людской поток, бесшумно уходящий в даль.

В тучах утонул месяц. Ветер зашумел, засвистал в оголенных деревьях. Стало совсем темно. Переходим какие-то мосты, поднимаемся на холмы, спускаемся куда-то. Лошади что-то видят, нашим глазам не видно почти ничего.

Короткий получасовой привал в случайной литовской избе. Нависший почернелый потолок... Солома на полу... Бедность... оплывающая сальная свечка. Крестьянин-литвин, старый отставной солдат, ограблен немцами дочиста, питается одним картофелем.

Съедаю плитку шоколаду, выкуриваю пару папирос и жадно пью холодную, как лед воду из солдатской фляги.

Снова кони несут нас куда-то в ночь.

Наконец - ночлег.

Въезжаем во двор огромного господского поместья. Белые снежинки кружатся в свете наших электрических фонарей, когда мы поднимаемся по ступеням каменного крыльца.

Как неожиданны после бесконечных ночных полей, где с хохотом шатается бездомный бродяга ветер, эти большие спокойные комнаты со старинной мебелью и портретами предков на стенах.

Молодой заспанный поляк-управляющий суетится и хлопочет, налаживая чай.

Сам владелец, какой-то граф с громкой немецкой фамилией, живет постоянно в Петрограде и за границей.

В доме много лет не живёт никто. Как странно! Дом вовсе не производит впечатления необитаемого. Множество мелких примет говорят совсем о другом.

Расспрашиваю управляющего, были ли тут немцы. Оказывается - были.

И ничего не тронули?

Ничего.

Мы очень удивлены. Это уже совсем на них непохоже. Продолжаем наши расспросы. Ответы уклончивые и односложные. Положительно здесь есть какая-та тайна.

После эта тайна раскрылась. Тот, кто встречал нас, только помощник управляющего. Сам управляющей - немец, и его взрослый сын, жившие в этом доме, вчера арестованы нашими властями, как немецкие шпионы и пособники.

Мы разделись. Садимся за стол. Лицо горит, иссечённое дождем и ветром. Хорошо выпить крепкого чаю с липовым медом и съесть пару тонко нарезанных ломтиков копченой домашней ветчины, четыре часа ночи. Ложимся и засыпаем как убитые.

В этом поместье проводим весь следующий день. Тут же по соседству расположились наши батареи. Погода отвратительная, не то дождь, не то снег. Надо дать передохнуть людям и еще больше лошадям, изнуренным невозможными дорогами.

Перед закатом дождь перестал, и тучи, разойдясь ненадолго, обнаружили багряный, неширокий заревой просвет. Я вышел из дому и, пройдя через парк, остановился у ограды, в самой дальней аллее. Парк на холме, за ним без конца тёмно-бурые поля.

Суровым строем стояли вокруг угрюмые стражи, вековые дубы. Их черные ветви были голы, и желтые листья, чуть запорошенные снегом, мертвым ковром устилали землю. Слабое сияние зари, розоватое, роняло отблески на мшистые стволы и невысокую

старую ограду и потемневшие от времени скамейки под дубами. Великая тишина царила на земле, - ни один случайный звук не долетал ниоткуда.

Душа жадно пила одиночество, и такие, непрекаемые и плавные протекали в ней волны, почти непередаваемые словами, одному мне важные, одному мне понятные.

Свое, затаенное, глубокое переплеталось с мировым, и здесь я впервые не умом, а чувством постиг, что значит изречение древней сокровенной мудрости, «все во всем».

Ранним утром мы покинули поместье. Выезжая, я не оглянулся на парк. Я унесу его в душе таким, каким видел вчера.

Небо серое, но дождя нет. Влажный воздух гулко разносит ритмические перекаты канонады, долетающие справа. Слегка отдохнувшие за день батареи плывут между холмами по разбитой дороге, преодолевая моря грязи. Пехота идет обочинами, там все же чище.

Бедная, однообразно-печальная проходит перед нами Литва, дважды истоптанная своими и чужими конями. Высокие, темные кресты маячат издали на распутьях дорог, и с каждого из них в неизреченной скорби смотрит Христос на зияющие пустотою окопы и желтые бугры недавних могил.

Наш полковник нынче опять начальником отряда, и, проехав вдоль колонны, мы занимаем место в голове. В полдень подходим к господскому фольварку П. В его районе будет большой привал.

Фольварк обитаем. Мы трое и командир одного из наших полков заходим и просим разрешения обогреться. Прием самый приветливый. Хозяин, худой колоритный польский пан с длинными седыми усами болен и почти не встает, но ему хочется поговорить с военными. Опираясь на палку, он с трудом входит в столовую и, извинившись за свой костюм, усаживается в кресле. На нем серый домашний халат с черными шнурами на груди.

Его жена, экспансивная полная пани, и их дочь, молоденькая панна Мария, хлопочут у стола, заботясь о чае и завтраке.

Воззвание³¹ сделало свое дело. Мы - у друзей. Нет и следа той тени, которая раньше лежала между поляками и «москалями».

Старый пан оживился, стучит по столу перстнем и радуется, что немцев отогнали к границе. Пани, волнуясь, рассказывает об их пребывании в этих краях и об убытках, причиненных ее хозяйству.

Лошадей взяли, коров взяли, овес взяли, всякие запасы взяли, даже яблоки взяли... Хорошо, хоть обстановку и самих не тронули. Здесь жил командир полка, человек пожилой и серьезный, и потому дом остался целым. Пока были немцы, старались сидеть в своих двух комнатах, почти не выходя, а панна Мария прожила все две недели в мезонине, в маленькой комнатке, запираясь по ночам и всячески избегая попадаться немцам на глаза.

Панна Мария поднимает свои длинные ресницы и улыбается. Ей девятнадцать лет, она стройная, как молодой тополь, и тёмные ее косы тройным венцом обтекают голову. У нее глаза молодой лани - кроткие и строгие. Должно быть, героиня романа

31. Воззвание Верховного главнокомандующего, генерал-адъютант Николая Николаевича преследовало цель привлечь польский народ на сторону России в начавшей войне. Оно не носило официального характера и в любой момент могло быть отвергнуто правительством.

Сенкевича «Огнем и Мечом» панна Елена, невеста Скшетусского, была такая.

Завязываю разговор с панной Марией.

Она училась в Варшаве, отлично говорить по-русски, знакома с нашей литературой и очень любить поэзию.

У ней есть альбом, куда она выписывает стихи.

Чем поэту отблагодарить за радушие? Беру у нее альбом и пишу:

Панне Марии Хан

Война пройдёт, как Божий гром.

Настанут времена другие.

Но в памяти мы унесем

Ваш тихий и радушный дом

И имя нежное: Мария.

Сергей К.

Панна читает и мило краснеет. Мы благодарим любезных хозяев. Пора продолжать путь. Дни короткие, дорога трудная. Мы одеваемся, когда полковнику докладывают, что приехал казак с приказом от высшего начальства.

Задача изменена. Отряду ночевать в районе деревни Э. и на утро сменить по близости такие-то части. Полковник диктует распоряжения, и ординарцы развозят их по полкам.

Прощаемся. Садимся на коней. В окне, за стеклом, мелькает, улыбаясь, девичий профиль. Вот уже не видно ничего.

Милая панна! Пусть судьба вынесет тебя из этого второго потопа и даст найти своего верного рыцаря Скшетусского.

Отряд свернул с прежнего пути и движется несколькими дорогами.

Мы трое с нашими ординарцами едем напрямую, через волнообразную цепь безлесных холмов.

Ночь находит нас в грязной литовской халупе. В двух ее горенках набилось много народу, - здесь офицеры трех наших батарей.

Готовят ужин. Командир дивизиона, мой старый знакомый, подполковник Я-ч любит, чтобы хозяйство было в исправности. Из его неистощимого погребца появляются какие-то вкусные вещи. Усаживаемся за длинным столом, соткнутом из трех разного размера. Дают суп, а за ним вестовой тащит на противне целую гору крепко поджаренных котлет и пару основательных уток.

За столом не засиживаются, - все устали.

Прежде, чем спать, - выхожу проверить и записать вновь присланных ординарцев, и кстати посмотреть, хорошо ли поставлены наши лошади.

Ночь безлунная, но не совсем темная.

Подхожу к сараю, где поставили лошадей. За ним уходит вниз какой-то откос. Внизу звонко журчит невидимый ручей.

Стихают тихие громы отдаленной канонады. Вот все реже и реже, вот смолкли совсем. Только стрекочущая дробь пулеметов еле доносится откуда-то с другой стороны.

Иду в халупу и устраиваюсь на ночлег. Наши вещи и денщики остались с обозом. Сплю на полу на соломе, не раздаваясь, сверху укрывшись полущубком. Из сеней дует. Ноги мерзнут в сапогах. Над головой оконце, из него тоже дует. Съеживаюсь, как только могу, чтобы вместить под полущубок и ноги и голову, коротко остриженную, как шар.

Действительность медленно уходит, и зыбкие свои декорации развешивает сон.

Я в Нормандии, стою у морского берега. Груда огромных валунов с краями, обточенными прибоем. Через них переплескивают, высоко взвиваясь, белые гребни и пена кипит на черных изломах...

А там, впереди, сколько охватит глаз, возносит свинцовые валы Атлантический океан.

Резкий холодный ветер налетает с моря...

Рано утром отряд выступает. Мы с полковником должны поместиться в господском фольварке К., полки с нашими батареями расположатся на позициях в окрестном районе.

Нынче морозит. На деревьях иней. Легко дышится на высотах. Вольная ширь без границ. Синие овалы озер, облака и ветер.

Едем быстро. Полковник шпорит великолепно-го своего коня. Меньше часу, и мы у цели.

Фольварк К. на холме. Господский дом на самой вершине. По откосу в нашу сторону спускается парк. У подошвы холма речка. Выше она запружена, и на ней маленькая мельница.

Въезжаем на высокий мельничный мост. В середине настил проломан, и доски еле держатся. Полковник и князь по счастливой случайности как-то минуют это место, но мой конь ступает неудачно, и средняя часть моста с грохотом проваливается под ним. Стремительно кидаюсь с седла в сторону и удерживаюсь, схватившись за перила. Конь, уцепившись передними ногами за уцелевшие доски, беспомощно бьется, силясь выкарабкаться. Вытаскиваем его вместе с подоспевшими ординарцами.

Все благополучно. Я ушиб колено, но это пустое, - кости целы. Мой вороной «Чорт» весь день дрожал мелкой дрожью. С тех пор он не в меру опаслив и

всегда упрямится и водит ушами, ступая на мост.

Дом невелик, но устроен удобно. Половина занята семьёй владельца. Самого хозяина нет. Он - немец, арестован и увезен, как уличенный немецкий шпион. Имение куплено им всего три года, и раньше принадлежало поляку.

В трех комнатах устраиваемся мы вместе с другими офицерами нашего отряда. В зале наставлено девять походных кроватей.

Было еще светло, когда мы вдвоем с полковником, вышли пройтись по парку.

Длинная кленовая аллея спускается вниз по холму. Густая красно-желтая пелена уже скованной холодом опавшей листвы шуршит под ногами. На лужайке бассейн с фонтаном. На белизне камня отчетливы багряные листья.

Мы идем молча.

Дальше, на склоне развалины каменной беседки, аллея кончается и еще дальше, у самого подножия холма, неширокий ручей, полный вровень с берегами. Редкие пятна снега. Ручей быстрый, но течет не журча, и кажется неподвижным. Над ним склонились обнажённые березы.

Кажется, из-за сливающихся стволов аллеи выйдет прекрасная скорбная женщина в сером - и тихо пройдет у ручья, влача за собой длинные свои одежды. Это земная радость, милая земная любовь уходит, гонимая грохотом орудий.

Но почему все это так жутко, так до боли знакомо? В каких тайных снах видел я этот парк, эту теперь разрушенную беседку, эти молчаливые тусклые струи, эти склонённые безлиственные березы?

Все это было когда-то, я уже стоял на этих невысоких берегах. Или верны прозрения осмеянных толпою мудрецов, и я уже жил не один раз на земле,

а то, что я вижу теперь, только одно из мест какого-то прошлого моего бытия!

Или, быть может, прав был Ницше в своих пророческих гаданиях о вечном возвращении, и весь мир повторяется в вечности, а с ним и я. Смутное, неизъяснимое чувство, где слиты печаль, усталость, и сладкое томление охватывает меня. Пусть я жил много раз в различных телах людей или повторялся все тем же в вечно возвращающемся прибое мироздания!.. Я гражданин Мира, и я знаю это.

Но где бы ни было мое вечное отечество, я люблю Россию, эту мою последнюю земную родину, о которой бьется мое живое, мое полное горячей кровью сердце.

Мы идем в дом... Легкие сумерки позади уже заливают пустынные аллеи. Вдали, на темнеющем небе, вспыхивают белые зарницы шрапнельных взрывов. В этом фольварке мы прожили несколько дней. Здесь долетело до нас, с сильным опозданием, известие о коварном обстреле турецко-немецкими кораблями Феодосии и Новороссийска и о новой нашей войне.

Весть эта была встречена всеобщей радостью. С этим старым врагом давно пора покончить, а воспрянувшая во весь колоссальный свой рост Россия не может не победить.

- Тем хуже для турок. После войны им предьявят основательный счет, по которому придется заплатить, - сказал за обедом, прихлебывая черный кофе, ген. Х., - знаток восточных дел, несколько лет бывший нашим военным агентом в Константинополе. Это был голос трезвого политика.

Но мне мечталось о большем.

Весть о новой войне наполнила меня чувством странного освобождения.

Если проснувшемуся славянству, если великодержавной России пробил час решать мировые задачи, хорошо, что они встали все разом.

Не надо постепенности. Слишком долго мы жили постепенностью, задерживаясь на вселенском нашем пути.

Если рвать пути, то все. Если рушить врагов, то всех. Россия переживает неслыханное объединение.

В гигантском тигле, в потоках очистительного пламени выкипают, сгорают вековые неправды и плавится ярое золото.

Мало желать, надо быть сильным. Мало быть сильным, надо быть достойным.

Теперь или никогда Россия достойна свершить всемирный свой подвиг.

Преклоним головы. Да совершится Суд Божий! Расколов германский шлем и дав естественные очертания славянству, твердою рукой возьмет она свое древнее наследие Византии.

Третий Рим - наша мечта веков. Все наше историческое существование она неизменно предносила нашим взорам. О ней думали цари, ею грезили в темных кельях монахи, о ней пели калики переходные, сказатели стихов народных. И над пеплом второго Рима создаст Россия третий.

«Два Рима было во вселенной, Русь!
Создай мечом твоим вовек незабываемый, нетленный,
Последний, всеславянский Рим».

Так писал я, повинуюсь смутному наитию, в первый день войны с Германией. Так с еще большей верой хотелось повторить и теперь.

Дни убегали... Над окрестностью уже третий день висит канонада, и темное небо по ночам то мгновенными озаряется вспышками снарядов, то

долгими кровавится заревами пожаров. Передовые части нашего отряда с некоторыми из наших батарей, под общим начальством генерала Х-на, с боем наступают на границу, тесня упорно сопротивляющихся немцев.

Вечер. Гром канонады все глуше, все дальше.

Немцы сбиты с границы и отступают. Завтра остальная часть нашего отряда переходит границу.

Утром мы выехали из фольварка с ординарцами и полусотней казаков.

Высокие холмы. Изредка озера. Моря густого тумана клубятся в долинах и занавешивают дали. Но где-то за ними чувствуется солнце, а туман нежно рдеет перламутром и опалами.

Еду всю дорогу с одним молодым поляком. Он прапорщик кавалерии, но прикомандирован в казачий полк и уже много недель со своей полусотней живёт настоящим кочевником. Ни вещей, ни запасов. Все, что есть, приторочено к седлу.

Он с одушевлением говорит о наступающем воскресении польского народа и рассказывает о невероятных притеснениях, каким подвергают немцы польскую народность в Познани. Когда русские войска вступят туда, их встретят на коленях, со слезами радости, как долгожданных спасителей.

Слушаю его и думаю: какое счастье жить в наши дни, и как много прогадали наши отцы, люди чеховского безвременья.

По дороге опустелые окопы, сожженные дома, ямы от снарядов, святые могилы, - следы вчерашних боев. Вот телеграфный столб. Граната срезала у него верх, как нож голову у спаржи, и она висит тут же, на уцелевшей проволоке.

Едем малой тропой. Спускаемся в долину. Через нее идет неширокий ров, наполненный водой.

Это-русско-германская государственная граница.

Гляжу на часы: девять пятьдесят утра. Во второй раз за эту войну вступаю я в Пруссию.

Даю шпоры моему «Чорту», он одним махом перелетает ров и карьером выносит меня на холм по крутому склону.

Туман поредел... Далеко раскинулись поля в распаханых квадратах. Краснеют черепицы кровель.

IX.

Немцы отброшены за границу. Наши передовые части с боем продвигаются вперед. Сегодня оставшая часть отряда переходить границу.

Вот и граница - неширокий ров, полный водою осталась позади.

Обсаженная деревьями отличная дорога. Квадраты полей, разделенные проволочной изгородью. Столбы с указательными надписями на перекрестках. Чистенькие домики с каменными сараями и красными черепичными кровлями.

Еще час езды, и мы в деревне П., занятой одним из наших пехотных полков.

Горят костры. На них поспевают какое-то варево. Вокруг толпятся солдаты. Часть пехоты уже уходит, и река серых шинелей, тускло поблескивая штыками, течет по узкой улице деревни.

В одном из домов находим генерала Х-на. Он, как всегда, энергичен, неутомим и холодно спокоен. Его уже ждет осёдланная лошадь и казачий конвой. Он переезжает в другой пункт, откуда ему удобнее руководить передовым отрядом.

Немцы отстаивают каждый шаг, но подаются назад. Нельзя давать им задерживаться.

Наступление продолжается.

Мы с полковником К. и князем К. ночуем в стоящей особняком халупе. Это нечто в роде отдельной крестьянской усадьбы. Маленький домик с двумя половинами, перед ним двор, замыкаемый с трех сторон основательными хозяйственными строениями, сараями, коровниками, овчарнями, конюшнями.

Домик мизерный, сарай отличные.

Эта черта, вообще, очень характерна для Прус-

сии. «Здесь прежде всего думают о скоте и только потом о людях».

Даже в смысле потуг на эстетику - если только можно говорить об эстетике в этой оглушительно бездарной стране! - скоту отдается решительное предпочтение. Помещения для него каменные, высокие, с узорчатой разноцветной кирпичной кладкой, дома же приземистые, неказистые, подобные гробам. Коровники издали принимаешь за дома, дома за коровники.

Утром с двумя конными ординарцами по поручению командира еду вперед в немецкий городок Ц. Он только что очищен немцами, и через него, спеша за отступающим неприятелем, проходят наши войска.

День солнечный. Дали успокоенные, нежно-золотые. Приятно ехать крупной рысью по гладкой, как стол, немецкой дороге, что узкой лентой уходит через холмы. Мостики, белые камни с дорожными знаками мелькают, уходят один за другим.

Мы въезжаем в городок. Разгромленный, полу-сожжённый артиллерией, он покинуть совершенно. Несколько домов еще пылают.

Едем по городской площади. Это был видимо «центр». Сбоку бульвар. На площадь выходят гостиницы, пивные, аптеки, магазины. Бульвар заезжен колесами. Возле дороги перевернутые повозки с брошенным имуществом. Какие-то продранные мешки, не то с мукой, не то с солью. Выпущенные бочки с бензином.

Вот в садике у подъезда лежит на боку пианино с расколотой декой. Хотели нагрузить и бросили. Через окна виден невероятный хаос. Все перевернуто вверх дном, - отступая, немецкие войска все же успели поработать.



За городом гудит канонада. Наши с боем наступают на Роминтенскую пуцу, чья черная кайма виднеется с подгордных холмов.

По пустынной улице быстро проносится эскадрон кирасир и исчезает за поворотом. С грохотом уходит за ним на рысях далеко растянувшаяся батарея. Снова безлюдье и треск пылающих зданий. Едкий запах гари. Грязно-бурый дым стелется по земле.

Вот большой трёхэтажный каменный дом, совершенно уцелевший. У входа флаг с Красным Крестом. Это местный германский лазарет, оставшийся в городе. Внизу, у дверей, русский караульный.

Подымаясь по лестнице, встречаюсь с немецким доктором. Он житель этого города и хорошо говорить по-русски. Его квартира в этом же доме.

Он приглашает войти. Следую за ним. Через минуту сижу в глубоком кожаном кресле и, попросив разрешение, закуриваю папиросу.

Разговор любезно-светский. Кто знает, что делается на душе у этого человека в коричневой бархатной домашней куртке и в желтых кожаных гетрах. Но тон его совершенно спокойный.

Несколько слов о войне, как о чем-то третьем, далеком.

- Судьба изменчива. *C'est la vie*³²! Всеу виной, конечно, английское коварство. Впрочем, Англия еще пожалеет об этом. На Лондон летит воздушная эскадра из 15 щепелинов. Там уже паника. По вечерам тушат все огни. Лондон будет разрушен.

Пора ехать. Встаю и прощаюсь. Доктор учтиво провожает до дверей.

На окраине города стала на ночлег одна из наших батарей. Офицеры в крайнем доме.

32. Такова жизнь!

В большой, еще непротопленной комнате в беспорядке четыре мягких дивана. На них покоются четыре фигуры, укрытые шинелями. Переход был трудный, - все устали.

На столе российский самовар, выдавший виды. Огромный кусок сыра и куча белых французских булок, - привезли из пограничного русского местечка с какой-то оказией.

Переговорив, спешу назад.

Когда я подъезжал к нашей халупе, солнце уже село. Последние отблески заката еще рдели на краю небес, но луна, печальная владычица ночи, уже заливала голубыми своими волнами поля.

На холме у дороги четко рисовались два неподвижных силуэта. Это полковник и князь глядят на шрапнельные разрывы.

Я отдал коня ординарцу и присоединился к ним.

Орудийные удары гулко разносились окрест, и в южно-паутиной лунной дали одна за другой вспыхивали и погасали большие лучистые ярко-голубые звезды. Казалось, некие метеоры, мгновенно пролетая над землей, уносят какую-то свою голубую тайну.

Ровная, дробная и однозвучная, сеет за холмами ружейная перестрелка.

В эту ночь небо долго пылало заревом.

Это работает капитан Ю. Р-ского полка.

Сперва с одним, потом с двумя батальонами, выдержав натиск целой пехотной бригады, он опрокинул немцев штыковой атакой, ворвался на их плечах в заповедную Р-скую пущу, взял и зажег ближайшее лесничество и, не давая врагам опомниться, гонит

их через дубраву, наступая на Т.³³, охотничий дворец Вильгельма. На следующий день замок кайзера пал после ожесточённого штурма.

Тем, кто участвовал в этом изумительном лесном бою, все бывшее казалось после странной и дикой сказкой. Угрюмая глушь, где под хвойными сводами и днем царят сумерки... Желтые стволы с застывшими каплями смолы... Стада напуганных ланей проносятся стремительно... Залпы и крики «ура», стократно повторяемые эхом... Шишки, сбитые пулями, сыплются сверху... Потом ночь... Лунные узоры на земли... Ветви, бьющие по лицу... Огни выстрелов... Серые призраки мечутся меж деревьев...

Битва теней в заколдованном лесном царстве! Кто знал в Москве капитана Ю. самого скромного рядового офицера, доброго малого, двадцать лет тянувшего служебную ляжку, тот никогда не угадал бы, как быстро и неоспоримо он выделился на войне.

Воина рождает смелых!

Высокий, худой, со своей длинной раздвоенной бородой, спокойно разгуливающий под пулями, как у себя дома, он кажется солдатам колдуном, знающим «слово» от пуль.

Еще бы не колдун! Вот вам пример.

Быль жестокий пулеметный огонь. Солдаты залегли в окоп. Носа высунуть нельзя, так и припечатает.

- Ложитесь, ваше высокоблагородие!

Не тут-то было. Капитан вышел на вал и стал неподвижно во весь свой огромный рост. Шапка на затылке. Руки презрительно заложены в карманы. Немцы так и надрываются.

33. Дворец Тегель, родовой замок баронов Гумбольдтов, значительных немецких ученых. Парк вокруг замка был заложен в 1777-1789 гг. домашним учителем Гумбольдтов, Готтлобом Иоганном Христианом Кунтом. С 1802 года обустройством парка занимался Вильгельм Гумбольдт. В дворцовом парке также находится заложённый Шинкелем в 1829 г. фамильный склеп Гумбольдтов, в котором своё последнее пристанище обрели также Александр и Вильгельм Гумбольдты.

Прошло минуты три.

Наконец, плюнул и выругался.

- Тьфу, дрянь какая! Ребята, видите, они и стрелять то не умеют. В штыки! Ура!

За ним хлынула стремительная серая волна. Немцы были выбиты из пяти рядов окопов.

Не ясно ли, что тут дело неспроста!

Мы ночевали в той же халупе. День пришел тихий, холодный и безветренный. Белый иней на полях. Солнце золотит дали.

Около полудня мы с полковником и князем проходили по полю одного из недавних боев.

Высокий безлесный холм, продолговатый, далеко протянувшийся, подобный перевалу. Его венчает длинная линия немецких окопов. В ста шагах, на восточном склоне, русские окопы, небольшие, неправильно разбросанные, почти ямки.

Наши, атакуя холм, перебежали вверх по склону, залегали, окапываясь под огнем торопливо, и снова лезли вперед.

На краю холма сельское кладбище. Между могилами ямы от снарядов. Много памятников раздроблено. Деревянные кресты расщеплены пулями. Ярость живых потревожила покой мёртвых.

На могилах нет надписей. Много этих желтых, безыменных бугров разбросано по дорогам и полям Восточной Пруссии, много русских солдат уснуло в чужой неприветливой земле.

Тебе, Единому, Господи, ведомы имена их. Ты сам сочти их и запиши в твоей светлой книге.

Выбитые последней атакой немцы бежали, оставив своих убитых в окопах.

Иные лежат навзничь, другие уткнулись ничком. Один на коленях, припав к брустверу, в той

позе, в которой стрелял и в которой нашла его пуля. В чертах его так и застыла сосредоточенная угроза.

Раны у всех в голову.

В окопах сумки, ранцы, каски, пачки, патронов расстрелянных и целых. Около трупов масса писем!

Перед окопами несколько наших убитых. Низкорослые запасные солдатики какого-то полка кажутся карликами, в сравнении с крупными прусскими гренадерами. И все-таки эти карлики прогнали этих великанов.

Валяется простреленная русская офицерская фуражка. По скованному холодом, заиндевевшему склону шагов на пятнадцать протянулся и застыл ручей крови.

Один из наших убитых остановил наше внимание. Высокого роста, молодой, красивый, среди других он казался прямо богатырем.

Его руки сложены крестом на груди, и сверху небольшая иконка-складень. Видно какой-то сострадательный товарищ, задержавшись на минуту, оказал ему наскоро эту последнюю услугу.

Ни ран, ни крови не видно. Нельзя понять, от чего он погиб. Кто-то заметил маленький кончик бечёвки, чуть торчащий из-за воротника. Смотрим ближе: он удушен.

Проклятие и месть бесчестным убийцам!

Приходят солдаты с носилками и лопатами. Смерть равняет всех. Через час все эти тела, немецкие и русские будут возвращены земле.

Мы уходим с холма. На западной его стороне, которая в свое время была укрыта от русских пуль, остатки какого-то немецкого полкового торжества.

В склоне вырыто небольшое ровное плато. На нем натыканы елочки. От елочки к елочке хвойные гирлянды, перевитые разноцветной бумагой. Над ними на деревянной подставке утверждён вырезанный из дерева герб - оленье рога и на них крест.

Вечером были на всенощной.

Низкая горница немецкой халупы тесно набита народом. Служит священник одного из полков. Солдатский хор поет уверенно и дружно. Волны ладана плывут под темным потолком.

«Свите тихий святгяя славы...» - торжественно и плавно льются знакомые с детства слова.

Через окно видна неширокая алая полоса вечерней зари, и слабое ее сияние, входя через небольшие окна, сливается с мерцающим светом маленьких восковых свечей, прилепленных к образу на столике.

«Пришедше на запад солнца, видевши свет вечерний»... Господи, Господи! Кто увидит твой тихий вечерний свет? Кто услышит твой тихий вечерний зов?

Пушистая, дымчатая немецкая кошка Марта удивленно ходит около священника и смотрит большими глазами на непонятное ей зрелище. Сильные голоса переполняют горницу. Но сквозь громкое пение хора в уши вливается неумолкаемая канонада.

Там, впереди, генерал Х. отбивается от целого корпуса. Идут тяжелые часы. Всю ночь и весь следующий день орудия режут, не стихая. Разрывы сияют над холмами. Пулеметы поют свою пронзительную песню.

Волна боя надвигается все ближе.

Бой свирепеет и растет, все выше вознося к облакам свою, огнем венчанную, главу, и два жребия зыблются на весах богини Судьбы. Но загадочен ее древний лик.



Во множестве проходят раненные, - в их словах нет и тени уныния. Вот пригнали и опрашивают пленных. Кадровые - здоровяки, резервисты - плохи. Один из них на службе впервые, - раньше был освобожден по причине ревматизма и грыжи.

Пока они стоят на дворе, откуда их по очереди на допрос, их обступили наши солдаты, и дружелюбно объясняются с ними при помощи переводчика, солдата-еврея с комической фамилией «Халупка», калякающего по-немецки.

Иные пытаются объясниться жестами. Веселый молодой хохол Печенчик, скаля белые зубы, похлопывает немца по плечу и внушает ему: «В Москве после войны встретимся, выпьем там вместе». И для убедительности выразительно щелкает себя пальцем по горлу.

Немец испугался, побледнел, даже отшатнулся. Думал - тот показывает ему, что пленным вешать будут. Но Халупка мигом все разъяснил. После немец очень смеялся. Говорит - их запугало начальство начесть русских зверств.

Еще одна ночь канонады. Немцы отступают, русские полки с боем идут вперед.

Командир меняет свое местопребывание. Ночь застала нас в том покинутом городке, где я уже был. С утра мы на походе. В полдень мы уже на новом жилище, в поле, у лесной опушки.

Наш «дом» - зловонная, бедная хижина с маленькими окошками и низеньким потолком. Как ее ни проветривали, запах держится такой, точно в подполе зарыта пара трупов. А может оно и так... Раскапывать некогда...

Командир посылает меня верст за двенадцать установить связь с артиллерийской частью соседнего отряда, которая должна поступить под его на-

чальство. Соображаю по карте дорогу, и через несколько минут я и ординарец Грачев крупной рысью едем лесною дорогой к северу.

Грачев - мой неизменный спутник. Он был при мне с самого начала войны и сделал со мной все отступление во время первого прусского похода. Теперь он зачислен в состав постоянных командирских ординарцев, ездит всегда со мной и питает ко мне большую привязанность.

Когда-то он был неповоротлив и тяжел на подъем, но после всяких военных переделок из него выработался лихой ординарец, спокойный, исполнительный и понятливый. Куда хочешь, посылай, - найдет; куда хочешь, поезжай, не отстанет.

Только одного война и походы не лишили его - дородства. Лицо у него лоснится, круглое, как блин, а щеки такие красные, что воробьи, того и гляди, клевать станут. В поле - Грачев, «дома» - мой вестовой Костин. С ними я совершенно спокоен. Случись что, больного ли, раненого ли, мертвого вытащат откуда угодно, немцам не оставят.

С Костиным мне повезло. Во время японской войны он был денщиком у моего брата, привязался к нему и служил ему верно. После войны брат взял его к себе, и он служил у него. В этой войне мы оба с Костиным случайно оказались в одной и той же части, и я отпросил его к себе в денщики. Он предан всей нашей семье, ходит за мной, как нянька, стирает мне белье, гладит его немецким утюгом, следит за моими припасами и добродушно ворчит на меня за разные непорядки.

Пожитки мои хранит, как зеницу ока. Во время первого прусского похода, при отступлении, вывез их чуть не на себе.

Итак, мы спешим с Грачевым исполнять поручение. День ясный. Тихо в лесу... Только фазаны, гуляющие по дороге, завидев всадников, неторопливыми вереницами семят в сторону, да одинокая стремительно проскочила через дорогу дикая коза. Лес, за ним поля. Въезжаем в большое покинутое селение. За ним бесконечная блестящая ширь В-го озера. Нежно-голубая громада вод тихо покоится в низких берегах своих, словно чаша, налитая до краев, и водная даль незаметно сливается с бирюзовою далью небес.

У берега - брошенные ладьи рыбаков. Вокруг ни души. Сворачиваем влево от озера. Прямо через холмы вьется небольшая дорога. Едем еще с полчаса. Скоро должна быть деревня. Бросив дорогу, еду на прямую через высокий холм. На самой вершине я сдерживаю коня. Вдали - кучка красных кровель. Вот то, что я ищу.

Далеко, сколько видит глаз, холмы, поля и долины утопают в золотом сиянии, и медленно над ними плывут белые круглые облака.

Благоговейный трепет охватывает душу. Священная славянскому сердцу земля!

На этих славных полях Грюнвальда³⁴ больше пятисот лет назад общие силы Польши, Литвы и Руси разбили в прах волну немецкого натиска и нанесли тевтонскому движению на восток неисцелимую рану.

Быть может, на этом самом высоком холме стояли славянские вожди, взирая на битву, когда смоляне со своим князем ударили на врагов, решая участь боя.

34. 14 августа - 2 сентября 1914 года произошла вторая битва под Грюнвальдом, известная как битва под Танненбергом по расположенной рядом деревне Стембарк (нем. Tannenberg), которая была частью восточно-прусской операции 1914 года. В этой битве войска Германской империи разбили части Российской империи.

Сейчас пустынные места великой битвы народов.

Два дня и одну ночь шел в этих краях артиллерийский бой. Нынче он переместился дальше, и громы орудий перекатываются впереди за холмами.

Наши лихие батареи, - славная первая, четвертая и шестая, - под конец привели неприятеля в такое расстройство, что немецкая пехота, гонимая меткими шрапнелями, почти не задерживаясь, уходила через эти холмы, и наши полки чуть не церемониальным маршем занимали одну за другой немецкие позиции.

Въезжаю в деревню и в полуразбитом домике нахожу двух солдат-телефонистов с аппаратом и охраняющий телефонную станцию казачий пост.

Передаю по телефону командиру распоряжения и сообщаю место его пребывания. К нам немедленно пришлют ординарцев. Связь установлена.

Теперь можно ехать назад.

Избираю другую, более удобную дорогу. Едем лесною опушкой. В лесу какие-то одиночные выстрелы. Кто стреляет, в кого стреляют, судить невозможно. Прибавляем ходу. Скоро мы опять в поле.

Здесь лучше, - во все стороны видно далеко.

Из ворот одинокого хутора, мимо которого нам ехать, выходит человек, за ним быстро выдвигается какая-то группа мужчин. Одежда не военная, - видимо, немецкие поселяне. От этих «мирных» немцев одиноко едущим всадникам всегда можно ждать предательской пули.

Передвигаю вдоль пояса браунинг поближе к руке и быстро скачу вперед. Грачев не отстает.

При нашем приближении группа быстро скрывается. Минуем хутор. Неужели, пуля в спину? Нет, проахали благополучно.

Приближаясь к нашей халупе, вижу забавную картину. На маленьком пруду глушат пироксилиновыми пашками рыбу на обиде. Множество ее плавают кверху брюхом, и двое солдат, разъезжая на каком-то дырявом челноке, подбирают рыбу в ведро.

- Здорово, братцы!

- Здравия желаем, ваше благородие.

Желаю «рыбакам» удачи. Через четверть часа, доложив полковнику, что поручение исполнено, лежу на походной постели и читаю «Совиный дом», роман Евгении Марлит, - все еще не могу одолеть его со времени первого прусского похода.

На утро расстаемся с халупой. Слава Богу!

Десять верст верхом, и мы на новой квартире.

Большое селение Н. К югу не遠деке темные массы Р³⁵. Этот огромный заповедный бор в триста двадцать квадратных верст - личная собственность Вильгельма и служит для его охот.

Мы заняли домик школьного учителя: в одной половине - классная комната, там поместились наши ординарцы. В другой - маленькая квартира из трех комнат.

У немецкого педагога все очень прилично, есть мягкая мебель и даже пианино. Только добродетельные прописи на стенах, в тройном, чем у простых немцев, количестве, мозолят мне глаза.

В том же селении дом королевского лесничества. Там поместился начальник отряда. Ходим туда обедать. Дом лесничества устроен великолепно. Там целый ряд парадных комнат для кратких остано-

35. Роминтен впервые упоминается в документах в 1539 году, в 1863 году стал колльмийским ненаследственным, свободным от барщины, поселением колонистов. С 1868 года в поселке действовала церковная община. Здание церкви построено в 1880 году в основном на деньги, пожертвованные Вильгельмом II, часто отдыхавшим в этих местах. Остов здания сохранился до наших дней. В 1881 году был построен охотничий домик. В 1895 году посёлок переименован в Гросс Роминтен. В августе 1914 года сильно пострадал во время сражения при Гумбиннене.

вок кайзера и высоких особ во время их охотничьих наездов в Р... Старинная золоченая мебель с образцовыми украшениями, крытая, желтым атласом. Драгоценная столовая резного черного дуба. Много фарфора и хрусталя. В углу столовой к стене привинчен какого-то странного вида железный держатель с крючьями. На нем подвешивают убитую дичь во время охотничьих пирушек.

Селение целиком покинуто.

Вообще, во втором прусском походе совсем не то, что в первом. Тогда население было поголовно на местах и очищался только район боевых позиций.

Теперь по другому. Жители уходят перед нашими войсками, и край, занимаемый нами, сплошь безлюдный.

Два дня уже мы с командиром в Н.

От дома, где мы живем, открывается вид на редкость немецкий, совсем, как на картинах старых немецких мастеров. Большой пруд, за ним на высоком берегу светлый каменный дом лесничества с красными островерхими кровлями, дальше холм со старыми елями, отчетливо возникающими на небе. За ними плавают по вечерам безумные, кровавые, тяжелые закаты.

Впереди, за холмами, полукругом развернулась линия боя. Второй день над окрестностью висят несмолкаемые перекаты, долгий и гневный гром. Минутами он сливается с рокотом пулеметов и дробным треском ружейной перестрелки в один стремительный летящий шквал.

Немцы с отчаянным упорством пытаются задержаться на быстро укрепленных ими позициях.

В полуверсте за селением, совсем позади от общего расположения войск, на опушке пуши вчера и нынче постукивают отдельные выстрелы. Это отре-

занные от своих шайки бродячих немецких солдат обстреливают наших одиночных всадников и мелкие разьезды.

Прапорщик Б. с двумя взводами пехоты и несколькими казаками устроил на них облаву.

Часть скрылась, одну, группу поймали.

У немцев оказалась землянка в лесу. Они залегли в ней и долго отстреливались, пока их не выкурили дымом. Землянка набита всяким награбленным добром. Пленные немцы - плотные, ражие, лбы низкие, глаза бегают, типичные мародеры.

При взятии землянки убит один солдатик. Он лежит в ожидании похорон на дворе королевского лесничества. Простое, крестьянское лицо тамбовского землепашца, окладистая борода. Губы сжаты. В чертах усталость и спокойствие много поработавшего человека.

- Милый, отдохни!

Вечер. Стихает канонада, волны после пролетавшей бури. Немцы не выдержали удара и отходят назад. Завтра командир меняет свое пребывание. Распоряжения отосланы. Батареи уведомлены.

Ранним утром мы уже на конях.

Недолгие поля, за ними темнеет громада хвойного бора. Вдоль опушки тянется и уходит вдаль проволочная ограда.

Вот сорванные с петель тяжелые ворота со сбитым на бок королевским орлом и столб с запрещающими надписями.

Шпорим коней. Наш маленький отряд быстро втягивается в ворота. Нас объяла заповедная пуща, и слабый стук копыт растаял в великом молчании бора.

Сергей Кречетов

Записки офицера / Сергей Кречетов; - Москва:
Libra Press, 2017. - 139 ст., ил. (*Rossica*)

Когда началась Первая мировая война, Сергей Соколов (Кречетов), прапорщик запаса полевой легкой артиллерии, несмотря на освобождение от службы, которое ему давала должность директора железной дороги, пошел на фронт добровольцем. Он принимал участие в боях в Восточной Пруссии; был произведен в поручики, награжден орденами Св. Анны «за храбрость» и Станислава III степени. В трагическом для русской армии сражении в Августовских лесах был ранен в голову, попал в плен, где находился три с половиной года. В августе 1918 года вернулся в Москву...

Rossica

Сергей Кречетов
Записки офицера

Компьютерное исполнение:
Наталья Мельниченко

Libra Press
www.librapress.ru
librapresspubl@gmail.com